

АЛЕКСАНДР ПОПАДИН

Местное время 20:10

Александр Попадин

Местное время 20:10

«Издательские решения»

Попадин А.

Местное время 20:10 / А. Попадин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850822-6

«Местное время 20:10. Прогулки по Калининграду» — второй «прогулочник», который Александр Попадин пишет раз в 10 лет про Калининград. Здесь он рассказывает старинные были и новейшие небылицы, легенды, мифы, правдивые истории и достоверные свидетельства об Исторических Личностях и Городских сумасшедших, о кафешках и подземных ходах Кёнигсберга, о достоинствах различных стилей искательской походки для обнаружения Янтарной комнаты, раскрывает тайные коды и дезавуирует явные заблуждения.

ISBN 978-5-44-850822-6

© Попадин А.

© Издательские решения

Содержание

Местное время 20:10. Прогулки по Калининграду	6
Вступление	8
Часть 1. Городская черта	10
Дежурный по тайнам	11
Подземный Кёнигсберг	11
Семь холмов и замок	15
Анти – под	17
Как в Доме Советов отказалась заводиться жизнь	18
Калининградец на вкус и на цвет	21
Приграничное состояние и контрабас	21
Фас и профиль	24
Московский вопрос	27
Во весь бронзовый рост	30
Прибавление в семействе	30
Злоключения Ильича	34
Университетская триада: Альбрехт, Людвиг и Франциск	35
Самый русский из немцев	37
Уличный люд. Одуванчик и сакура	39
Искусство мимоходом	39
Вело-мото-пехо	43
Альбом путешественника ближнего следования	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Местное время 20:10

Александр Попадин

Иллюстратор обложки Александр Юрицын

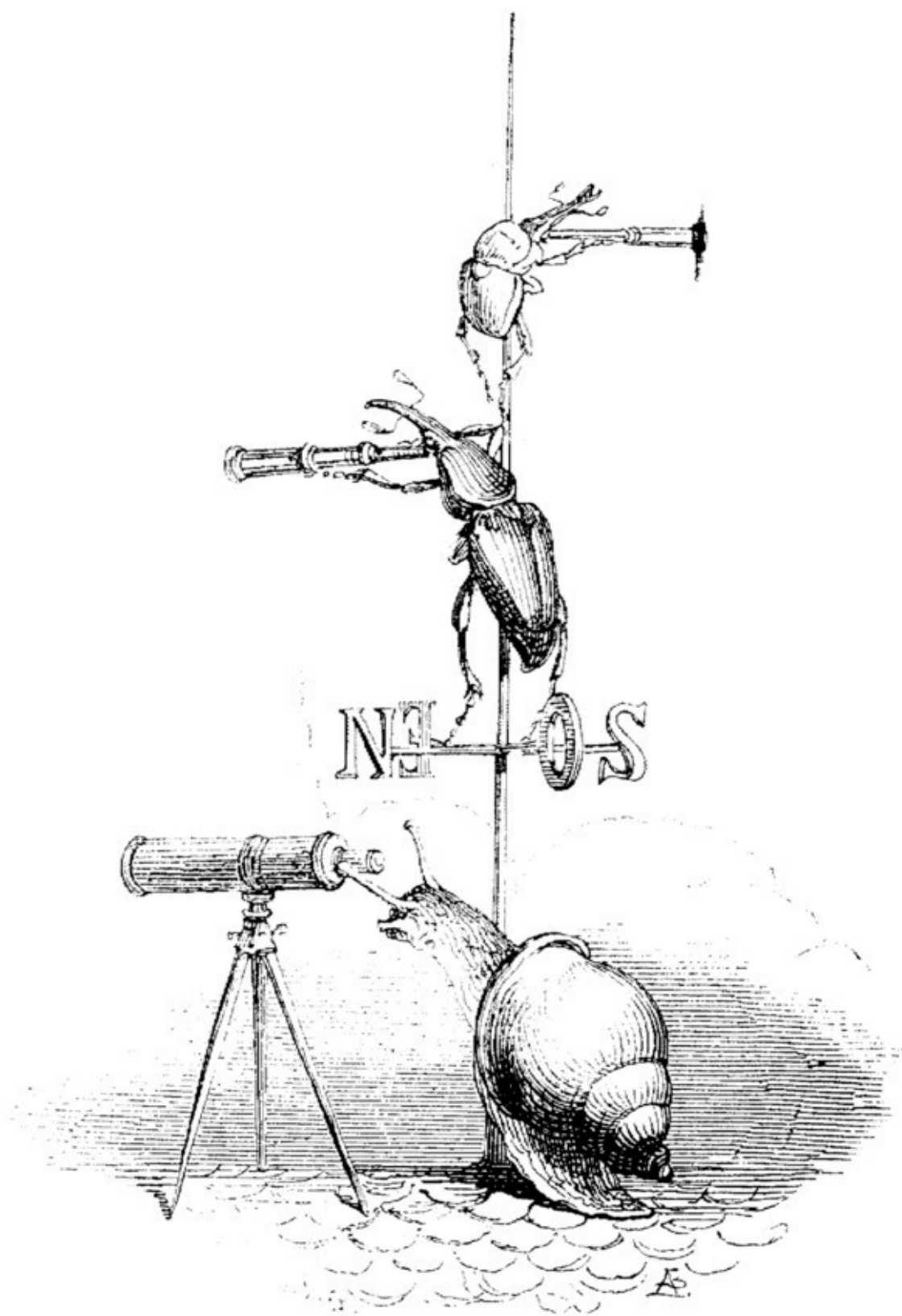
© Александр Попадин, 2020

ISBN 978-5-4485-0822-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Местное время 20:10. Прогулки по Калининграду
Практическое пособие в четырёх
частях с инклюзами и отступлениями

α-версия с апдейтом 2017 года и рисунками авторов разных эпох

Вступление

Начну я, как водится, с тайн. С чего ещё начинать подобные прогулки?

Тайн у нас в городе чуть меньше, чем в Риме, но чуть больше, чем в Рязани. Главными являются две: Янтарная комната и Подземный Кёнигсберг. За ними идут тайны поменьше: зачем Петру хвост и как зовут русалку с острова? И уж совсем в конце расположились тайны литературного свойства: как отыскать Кракатук, что с ним надлежит сделать, чтоб раскрыл он магическую силу, и что хранится в яме, в которую скоро упадёт четверть города?

На все эти непростые вопросы я смогу дать ответ, только если мы потрудимся прогуляться по городу. Не забудьте взять с собой набор юного разведчика, как-то: шаг молодецкий упругий, лупа походная бывалая, штангенциркуль инженерный, глаз зоркий пристальный, ну и командирская линейка, без которой вообще невозможно ничего расшифровать.

Вот и в тот раз: собрался я «в экспедицию», вышел на улицу, только разложил походный набор на скамейке, чтобы сразу употребить по назначению, как ко мне сразу подсел один из тех персонажей, которые не сходят с городского горизонта вот уже лет двадцать.

– Всё гуляешь? Молодец!! – одобрительно сказал он. – Я вот тоже гуляю, – и в качестве доказательства продемонстрировал початую бутылку пива. – А когда надоест, залажу во-о-он туда! – он показал грязным пальцем на старую немецкую башню, что есть почти в каждом районе города. – Сижу, как ГорГлаз, и оттуда всё вижу! И всех...

Я проследил за его жестом и внезапно вспомнил, как в первый раз увидел город сверху. Это было в пятом классе. Я жил напротив клуба Вагонзавода (бывшей кирхи Христа), куда ещё не поселилась легендарная дискотека, и за завтраком всегда глядел в окно на круглые штукатурные диски на самом верху клубной башни.

«Наверное, там были у немцев часы», – думал я. И представлял, как эти часы бьют по утрам. «Бьют часы, люди собираются на работу, ждут на остановке – дилижанса? – в котелках и кепи, с тросточками и без...». Я допивал чай и представлял, как такой же чай, наверное, пил кто-нибудь из пассажиров этого дилижанса... или на чём они ездили ТОГДА, в туманном начале XX века? В неведомой неметчине? Как они жили? Ответ, скорее всего, таится в этой башне...

И однажды мы с Андрюхой Пахомовым, моим одноклассником, другом болот и пароходов, решили на неё залезть.

Взобравшись на крышу по пожарной лестнице, мы с риском для жизни проползли по маленькому перешейку, соединявшему башню и здание клуба. Через слуховое окно протиснулись внутрь и там, в башенной комнатке, обнаружили загадочные музыкальные инструменты из оркестра Гулливера. Бас-балалайки, бас-мандолины, неведомые нам домры выше нашего с Андрюхой роста! – сопелки, дуделки и одна сломанная шарманка нормального роста.

Мы чуть-чуть потренькали на каждой из них (громко нельзя, могут услышать сторожа!) и вышли на внутреннюю площадку квадратной башни. Наверх вела железная винтовая лестница. И оттуда, с башни, открылся нам город, состоящий из крыш и деревьев! Совсем другой, чем он видится с земли. Крыши и кроны его составляли, кошки и птицы его населяли.

Мы с Андрюхой немного пожили в этом городе. Сидя на гудроновой плоскости, вместе с небольшой берёзкой, растущей на крыше, обозревали мы весь город сверху. Вот я, вот я – превращаюсь в воробья! Мы оглядывали близкое небо, дальние окраины, Южный вокзал, крышу драмтеатра... Где-то там городская черта смыкалась с горизонтом и терялась в дрожании летнего воздуха. Хотелось! хотелось нам остаться здесь навсегда, но для этого надо было стать крышей... или кроной... или кошкой... В этот момент мама позвала нас обедать.

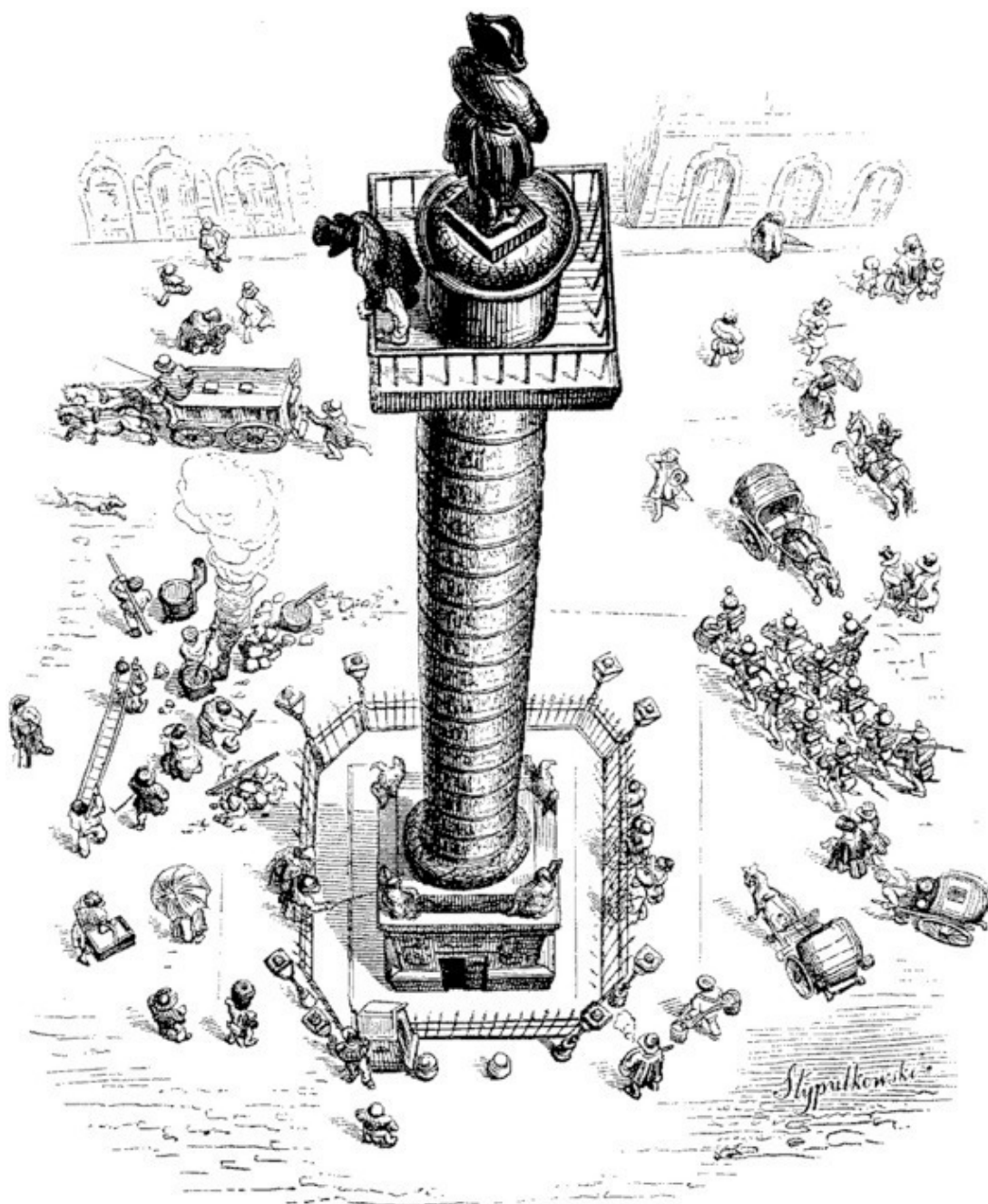
– Я тоже люблю глядеть сверху на город, – после некоторой паузы сказал я своему собеседнику, высвобождаясь из пелены воспоминаний. Странное дело, я так давно не вспоминал тот случай!

Повернувшись, я обнаружил, что собеседника рядом уже нет. Равно, как и штангенциркуля. Вместо него незнакомец оставил пустую бутылку из-под пива и какой-то неведомый мне прибор со множеством линз, рычагов и ползунков. Так, наверное, должна выглядеть астролябия или линзоскоп, про который я читал в одной старинной книге...

Штангенциркуль, конечно, жаль, но, с другой стороны... Что у нас там, с другой стороны? Я осторожно взял линзоскоп за ручку, приставил к глазам и крутанул колёсико окуляра¹.

¹ *Апдейт, сиквел и приквел.* Книга «Местное время 20:10» (бета-версия) Александра Попадина вышла в 2010 году. Она сразу же была переиздана издательством «Скорость звука» (альфа-версия) вместе со своей предшественницей 1998 года «Местное время. Прогулки по Калининграду» под одной обложкой в серии «Мастерская «Коллекция». В данном переиздании альфа-версии 2017 года новая информация, добавленная к изданию 2010 года, будет выноситься в сноски и помечаться как «апдейт».

Часть 1. Городская черта

Дежурный по тайнам

Прикинемся цветами, и пчёлы воспоследуют. Умберто Эко.

Подземный Кёнигсберг

Как мы знаем, Кёнигсбергские подземелья предназначены исключительно для калининградцев. На прямой вопрос заезжего туриста «Где тут у вас подземный город и как туда попасть?» местный житель начинает мямлить какую-то ерунду, призванную напустить туману и скрыть от гостей истинное положение подземных вещей. Начинает темнить и путаться в показаниях. Но вот, пришла пора достать джокеры. Дать подробную карту подземелий, которой нет даже в КГБ, которого самого уже нет! Огласить миру то, что скрывалось до сих пор под покровом застенчивости местных жителей!!

Правду №1...

...следует искать в древней части города. Именно средним векам принадлежит традиция заблаговременного рытья подземных ходов, переходов, потайных ниш и прочих элементов инфраструктуры средневековой жизни.

Возьмём наш отсутствующий замок. Толщина стен в некоторых местах – до 5-х метров. Глупо не использовать такие возможности для устройства в них тайных проходов и камер. А, начав со стен, логичным перейти под землю, соединив локальные подземные элементы меж собою. На случай военной осады надобно вырыть один-два хода: ретироваться, или воды набрать, или для дипломатической надобности. Законно. Смотри Правила постройки замков, пункт 13, издательство «Гуттенберг», XV в.

И действительно, под восточным флигелем замка в сторону Преголи имеется ход XIV – XV веков. Он был неоднократно обнаруживаем официальными экспедициями, а первые переселенцы в него лазили в научно-познавательных целях (см. ниже историю про Тоню-фауспатрон). Образцово-показательный подземход для отчёта перед вышестоящими инстанциями об успехах поисковых экспедиций.

Но вот незадача. Идти-то он в сторону Преголи идёт, но с сильным уклоном, и на одном участке затоплен. Так что в точности неведомо: далеко ли тянется? правда ли, что до могилы Канта, и разветвляется по ходу? Сие неизвестно, и правда тонет в сыром мраке. Более того, ему преграждает путь Московский проспект, построенный в 70-х. Вполне возможно, что при строительстве проспекта треть хода просто заутюжили землеройной техникой. И история с провалившимся под землю троллейбусом в 80-х годах эту гипотезу подтверждает.

А в остальном, прекрасная маркиза... Может быть, может быть. В любом случае следует применять презумпцию осмысленности: хочешь найти подземный ход – ищи резон для его существования. Такие вещи для развлечения не делают.

– Прекрасное место! – сказал незнакомец, – славная руина – хмурые стены – шаткие своды – тёмные закоулки – полуразрушенные лестницы – древний собор – затхлый запах – древние ступени, стёртые ногами пилигримов – маленькие саксонские двери – исповедальни как будки театральных кассиров – кремнёвые ружья – саркофаг – древние легенды – старинные истории – чудесно!

Диккенс, «Записки Пиквикского клуба».

Правда №2

Кафедральный собор – наилучший представитель средневекового Кёнигсберга и кандидат на сокрытие в основах своих подземных ходов. Надо только копнуть в нужном месте и лишь знать, где это место. Потому что все доступные и необвалившиеся – сначала от британских бомбардировок, потом от штурма, – все необвалившиеся подвалы и лазы за 10 послевоенных лет были завалены битым кирпичом, так как представляли опасность. И откроются оставшиеся из них, скорее всего, случайно.

Хотя собор стоит на дубовых сваях, это не значит, что его следует вычеркнуть из кандидатов на подземелья. Освящён он в мнемоническом 1333 году и тоже должен опираться на средневековую традицию ходостроения. Должен-то должен, но как подземелье соотносится с уровнем ниже воды в реке и с сотнями дубовых свай, на которых зиждется? Неясно. Неведомо. Была в нём крипта, подземное церковное захоронение; есть рассказы мальчишек из моего детства, как они внутри собора залезали в какую-то щель, а потом выныривали наружу в другом месте...

Для начала вспомним, что собор был изначально католическим. Церкви этой конфессии устроены так, что в начале службы священник должен появиться внезапно среди прихожан, не входя, как простой смертный, через центральный вход. Для этой цели из домика священника, который обыкновенно располагался подле костёла, вёл небольшой подземный ход в кирху. И хотя большинство доживших до XX века кирх уже были протестантскими, в свою очередь, большинство из них были вначале католическими. А новые служители вряд ли стали заваливать уже существующие ходы.

Поэтому многочисленные свидетельства пацанов из пионерлагеря им. Матросова в 1977 году (Светлогорск, вторая смена) про то, как они из Кафедрального собора ползли по подземному ходу, в котором еще валялись черепа («Привет, Кант!» – говорили они и ползли дальше. Кто же другой это мог быть?), – все эти свидетельства не стоит воспринимать очень уж скептически.

Правда №3

Подземные ходы бывают разные. Во 2-ю мировую войну, когда немцы поняли, что Кёнигсберг могут бомбить, власти стали устраивать бомбоубежища. Каждая полянка, каждый пятачок заселялись бомбоубежками разных калибров и конфигураций. От Форштадта в сторону Хаберберга² шла одна из главных улиц Кёнигсберга – Кнайпхофише Ландгассе. Широкая, с трамвайным скрипом и высокими цоколями домов. Ко входной двери каждого дома вело крыльцо с преддверной площадкой-террасой.

Так вот, на Кнайпхофише Ландгассе дома с обширными подвалами стояли плечом к плечу друг к другу. Сблокированная застройка. С началом массового бомбоубежестроительства меж подвалами соседних домов Кнайпхофише Ландгассе (Кнайпхофская Долгая) прорубили проходы, и образовался длинный подвал-бомбоубежище. В него можно было зайти в начале улицы, пройти пару километров, а затем выйти в совсем другом конце улицы. После войны советские переселенцы среди руин видели соединённые между собой подвалы – и что они должны были подумать?

² Ленинский проспект на отрезке от нынешнего Биржи-Дома моряков-Дома молодёжи до к/т «Октябрь-Дома искусств» -Ленина на новом месте.

Правда №4: север вокруг нас

Гордое имя Ганза-плац раньше носила не имеющая сегодня имени автостоянка между нынешней площадью Победы с ангельским столпом и зданием КТИ/КГТУ. Если встать с компасом посреди Ганза-плац, то север будет у вас сразу со всех сторон. Не пугайтесь, просто на площади находится аномальная зона (или Северный полюс). Природа и причины аномалии неизвестны. Но – есть у меня одна гипотеза...

Под Ганза-плац (будем называть её так, это лучше, чем «автостоянка-что-напротив-делового-центра-который-меняет-имя-раз-в-три-года») проходит подземный железнодорожный тоннель. По нему поезда с Южного вокзала попадают на нижнюю платформу Северного вокзала и идут дальше к побережью Самбийского полуострова. Пройдя по тоннелю пешком, можно увидеть несколько наглухо замурованных дверных проёмов.

По легенде, объяснение им лежит западнее, со стороны ул. Генделя. Тюремная КПЗ находилась там ещё при немцах, а вместо института-университета в здании располагался Земельный суд. И вот осуждённых-заключённых из привокзального тоннеля по подземному ходу доставляли в тюремные стены и наоборот без шокирования праздной публики. В советские времена такие средства безопасности оказались излишни, и входы в тоннели заложили. Во избежание. В прямом и переносном смысле...

А почему север – со всех сторон? Неизвестно. Может, это просто дырка в силовых линиях магнитного поля Земли?

Правда №5

Изрядную долю в моделирование подземного Кёнигсберга вносят ливневые колодцы, построенные более 100 лет назад. В те времена город радикально расширил свою территорию, сначала до Второго вального кольца, а потом и далеко за него. И новые территории требовали инженерной инфраструктуры, в том числе ливнёвок и канализационных коллекторов.

Надо помнить, какие были времена: технологию изготовления труб большого диаметра ещё не изобрели, и подобные штуковины выкладывались из кирпича. Их диаметр зависел от того, насколько маленький свод может выложить вокруг себя каменщик. То есть, выкапывалась длинная канава, на дне её каменщик выкладывал трубу, вылезал, и готовый участок засыпался землёй. Соответственно, труба была примерно 90 см в ширину и 120 см в высоту.

Такие коллекторы устраивали вдоль крупных дорог и эксплуатировали веками. Потом потомки изобрели автомобиль, электричество, фонарики и батарейки. Потомки отыскивали вход в эти коллекторы, посветили туда фонариком, увидели уходящую в бесконечность сводчатую кирпичную трубу и поняли, что нашли фрагмент подземного города...

Так подземный ли это Кёнигсберг? А как же! Только не суйтесь туда в дождь.

Правда без номера: вход в подземный Кёнигсберг

Когда встретите на улице праздного гостя, жаждущего тайн, немедленно хватайте его за кошелёк и тащите в подземный Кёнигсберг. Вход находится в ближайшем кабаке, выход – где повезёт. Можете проснуться под сенью пригородных нив, а можете и не проснуться вовсе. Рисковое занятие, оно всегда зависит от глубины налитого стакана и познаний древней истории. Зависимость обратно пропорциональная. Чем глубже первое и меньше второе, тем сильнее эффект погружения.

– Ну что, господа, кто первый?..

Я знавал одного бармена в «КиберДе», который, пользуясь служебным положением, регулярно в пятницу собирался совершить нырок «во глубину подземных руд», как он выражался. Следующим днём он выныривал наружу с больной головой и мучительно пытался вспомнить, как глубоко его занесло вчера вечером... При каждой встрече бармен проникновенно рассказывает мне, как он уже договорился со всеми нужными в экспедиции людьми, снарядил снаряжение, зарядил аккумуляторы и со знакомыми дигтерами чуть было не спустился, но вот... Опять двадцать пять и больная голова наутро!

Но ничего... Придёт время, мы спустимся и обнаружим затвердевшую материю наших грёз! я даже знаю один люк, который очень и очень даже возможно ведёт... Не зря в моём детстве ходила легенда, что сразу после войны американцы предложили советским властям сделку: янки за свой счёт отстраивают весь надземный город, а за это мы им отдаём подземный. Дудки! Нам самим надо! Пригодится воды напиться!

А пока обустройстваемся как можем в городе внешнем и осторожно заглядываем в подземную полутьму. Кто там был – помалкивает, а кто болтает – точно не был. Мы не принадлежим ни к тем, ни к этим и потому говорим, но каким-то бочком, бочком. Наполовину говорим, а на другую помалкиваем. Кое-что знаем, это факт... но не всегда наше говорение имеет отношение к знанию.

Семь холмов и замок

Вопреки названию то, на чём стоял замок, горою назвать можно с существенной оглядкой на историческую (библейскую) традицию. Русская традиция города ставит на холмах. Немецкая – на том обобщённом географическом объекте, который называется «берг», возвышенность, холм, гора. При этом желательно, чтобы «бергов» было семь. Во-первых, солидно по численности, а во-вторых, указывает на библейские аналоги.

Что удивительно, исторический Кёнигсберг начался он на одном, на Замковой горе, но впоследствии горожане изыскали для комплекта недостающие возвышенности. Итак, семь холмов Кёнигсберга, высших точек пойменной гряды Преголи, мелкими шагами легли с запада на восток. Полтыщи лет назад это были вполне отдельные возвышенности, трудоподъёмные для пешеходно-тележного времени. Сегодня гряда сглажена, тем не менее кой-какие признаки и названия остались. Вот их перечень с учётом того, что в разных источниках называют разные списки.

1

Масляная гора, Буттерберг, ныне известная как Астрономический холм с «могилой Бесселя» на верхушке. Наверное, в древнейшие времена её вершина напоминала комок свежесбитого масла, отсюда и название. Или какой-нибудь тюфяк ехал на телеге и разбил на склоне бочонок масла, отчего все следом едущие (мельник с мукой и пекарь с пышками) скатились вниз, друг на друга и образовали бутербродную кучу-малу... Или...

Предлагаю кулинарно-фантазийное упражнение: рано утром прийти сюда, взять термос и «бутер-в-рот», сесть у Бесселя, выпить кофею и в момент закуски прислушаться к себе: может, масло что-нибудь скажет? Может, оно говорит за завтраком, непрерывно говорит? «Я всегда падаю бутербродом вверх!» – а мы его не слушаем?

2

Крестьянская гора, Бауэрберг, ныне скрытая городским планированием. Судя по всему, здесь было хозяйство того самого крестьянина, который разбил на Масляной горе бочонок. Располагалась Крестьянская гора примерно в районе нынешней больницы водников, фонтана Путти и гастронома «Семья». С неё идёт вниз к Моспроспекту улица Больничная, завершаясь внизу большой Бауэрской лестницей. Когда поднимаешься по ней с Моспроспекта, где-то на верхних ступеньках начинаешь понимать, почему это место «берг». Мы ещё сюда наведемся. Чуть погода.

3

Ролльберг, названная якобы в честь прусского вождя, который вроде бы казнён на ней в древнейшие времена. Моя наивно-этимологическая интуиция по распознаванию новых слов видит в названии Oberrollberg скорее «Колобковый холм» – но не настаиваю!

В советское время это место называлось Марьин утёс. Рядом располагался «виноводочный» магазин, и очередь вилась аж до утёса, с которого иногда скатывался проигравший битву за градус. Вот! Жив генезис, от которого произошло имя! Катиться колобком – это и есть «ролл»! Колобковая гора, если по-нашему.

Сейчас это угол Житомирской/Коперника и обзорный вид чайной «Унция³». В том месте, где террасированная улица Коперника смыкается с Житомирской, – в том углу подпорная стенка закрепляет в камне Ролльбер. Она сложена из таких валунов, что чувствуется – больше пяти веков этой стенке, много больше! Наверное, она – самое древнее сохранившееся строение Альтштадта.

А Обер-Ролльбергом я, пожалуй, назову ма-а-аленькую полянку между средневековым домиком и «хрущёвкой» на улице Коперника. Полянка холмиком расположена выше улицы примерно на метр. Растёт на ней берёзка и пара кустиков, самое подходящее место для громкой приставки «обер-»!

4

Замковая гора, Шлоссберг. На ней стоял замок. Во время строительства Дома Советов гору чуток стесали. Сейчас замка нет, и гору иногда называют Королевской, заимствуя имя из слова «Кёнигсберг».

5.

Мельничная гора, Мюлленберг. Поясняю. Общую возвышенность того, что мы сегодня иногда называем Королевской горою, рассекал Кошачий ручей, образуя глубокое ущелье. На левом краю этого ущелья находилась Шлоссберг, на правом – Мюлленберг. Старую, седую от времени Среднюю мельницу, что стояла здесь, снесли очень поздно, в 1908 г. Сейчас примерно на этом месте стоит Дом Советов.

6

Кривой холм, Шиферберг, Шиферный холм. Ищем до сих пор. Скорее всего, имеется в виду та возвышенность, на которой нынче стоит Дворец бракосочетаний.

7.1

Лёбенихтский холм, на месте бывшей Лёбенихтской церкви, также в районе универсама «Московский». Вот раньше были масштабы! Сорок метров пройдёшь, и уже новая гора, новое местечко! Миниатюрненько. Всё рядышком.

7.2

Вторая версия – Хаберберг, холм позади бывшего кинотеатра «Октябрь» и нынешнего Дома искусств. На этом холме стояла у немцев Хабербергская кирха, я ещё помню её руины в 70-х.

Сегодня при сильном желании можно обнаружить четыре сохранившиеся возвышенности: Астрономический холм, Ролльберг, Шлоссберг-Мюлленберг и Хаберберг. А после того как построили Дом Советов и эстакаду, деление города на «нижний» (в пойме) и «верх-

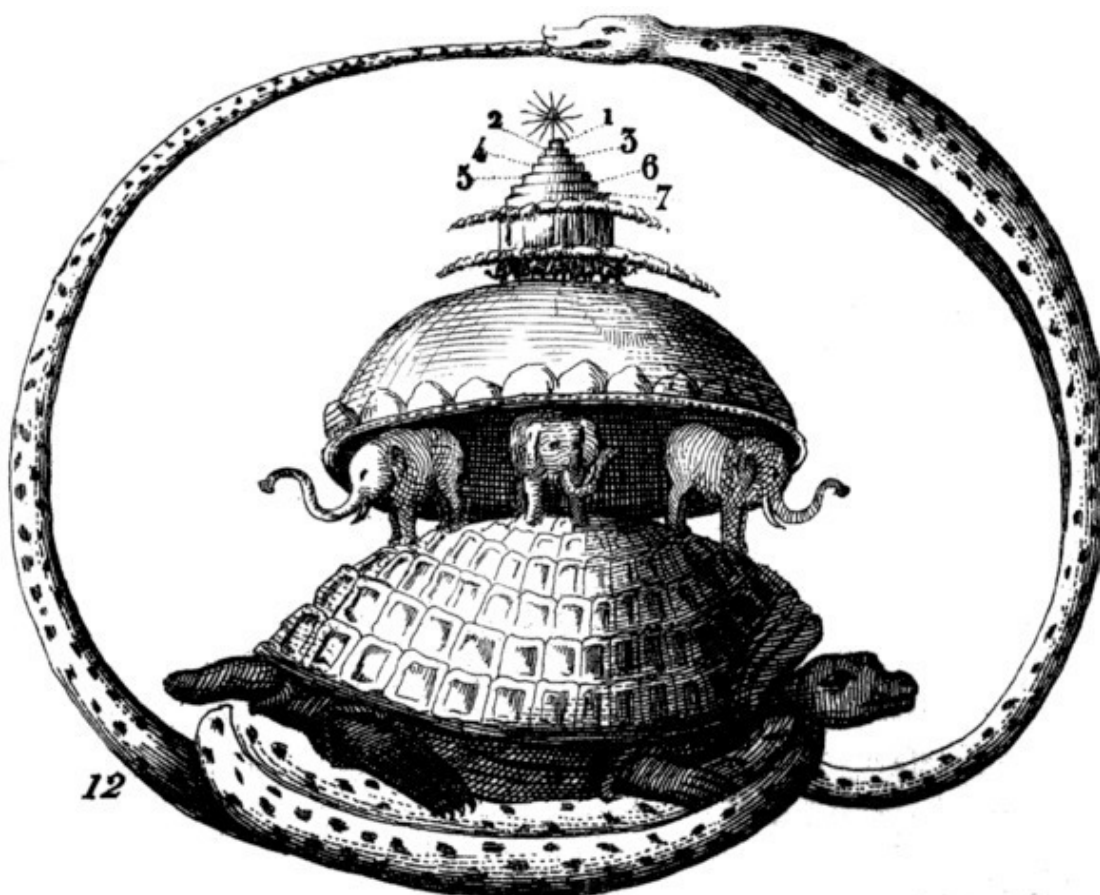
³ Апдейт: сейчас там кафе «Штайндамм-99».

ний» (на пойменной гряде) было перечёркнуто. Так были закреплены старания советской власти по приведению исторического масштаба к нулевой отметке.

Анти – под

Сейчас это место называют «У Дома Советов». Ни в языке, ни в обыкновении горожан нет ни горы, ни холма. Нет ни крепости на вершине, ни самой вершины, а есть фундаменты замка да ветер с насморком, да экскурсоводы... да Дом Советов, дворец Власти, который не решилась так назвать советская власть из-за старинной нелюбви к дворцам: «Мир хижинам, война дворцам!».

Замок Кёнигсберг возник как материальное воплощение власти, владения (территорией). Идея власти – главная в его метафизике, идея защиты (фортификации) – главная в его физике. Когда город вокруг разросся, замок передал имя городу и стал служить символическим и административным вместилищем власти над этой землёй. Дом Советов – «брат-враг» замка, «антизамок», аллергическая реакция советских властей на занимавший стратегическую высоту «шлосс». Геном власти остался и в архитектуре советского здания, и в «духе места». Это здание в первую очередь флаг владения территорией, а уж потом вместилище жизненных функций. Именно безбрежный пафос и сгубил новый советский Дворец Власти. Чтобы это осознать, необходимо взглянуть правде в глаза.

Космогоническая схема Королевской горы. 1 – дом Советов, 2 – замок, ... 12 – уроборос КёнигсбергКалининград.

Да, пришла пора заглянуть в самую суть некоторых вещей, дабы спросить у них: зачем вы здесь? Что вас породило? Какой от вас прок? Украшали ли лик? Приносили пользу? Прибав-

ляли славу? Вопросы неприятные, но необходимые. По крайней мере, для мест выдающихся и зданий чрезвычайных. В особенности для Дома Советов.

Как в Доме Советов отказалась заводиться жизнь

Замысел и зависание

В конце 60-х во всех областных центрах необъятного СССР местные власти задумывали строить что-нибудь большое и политическое. Стоять оно должно на самом видном месте и знаменовать фазу победившего социализма. В одном городе это была высоченная гостиница «Россия», в другом – что-то ещё из ряда вон. Меж областями развернулась незримая конкуренция концепций, как сказали бы сегодня.

История по своему обыкновению умалчивает, кто был творцом калининградской концепции – совместить на Королевской горе в одном здании все три власти, имевшие быть на тот момент. Политическую (обком и горком КПСС), исполнительную (исполкомы гор- и обл-) и законодательную (Советы депутатов). Концепция со всех сторон замечательная: один Дом Власти (замок) заменить другим Домом Власти. Одоблив её в соответствующем отделе ЦК КПСС, секретарь Калининградского обкома КПСС Коновалов сотоварищи принялся за дело.

Прошло 10 лет, построили коробку, обнаружился перекося здания и проседание одного из углов фундамента. Подождали, проседание остановилось. Прошло ещё пару лет. Дом Советов становился всё более телесен. Из абстрактной идеи он превращался во вместилище будущей жизни, и будущие переселенцы (обкомовцы) начинают примеряться: как им там будет жить, на новом месте? где буфет? а где курилка? Сколько ходов с просящими лицами? Вместо символических аргументов будущие жильцы примеряют к себе аргументы прагматические, житейские.

А теперь спросим себя: какой человек, будучи в здравом уме, поменяет прекрасное во всех отношениях отдельное местожительство на коммуналку-новострой? А качество своего строительного комплекса в обкоме знали, не сомневайтесь! Никакой. Если он в своём уме.

На последних фазах строительства обком КПСС вышел из пула застройщиков Дома Советов, сказав остальным: вы, братцы, достраивайте, всё нормально, мы будем вам помогать... ну, сами посудите, зачем нам куда-то переезжать? Здание у нас большое, немецкое, в центре города (ДД-1, кто не помнит), хорошее... но строить надо, достроим, и будут там все ветви власти! Почти...

...Так, или почти так говорили обкомовцы всем остальным ветвям. Неудивительно, что следующим, кто покинул пул застройщиков, был горком КПСС. По удивительному совпадению он тоже размещался в старом немецком здании (площадь Победы, 1, кто не знает) в центре города. Остальным двум ветвям (исполнительной и представительской) было сказано: ничего страшного, заселим здание другими организациями, вот стройку закончим, и... В общем, когда здание было готово почти на 90% и когда остановилось проседание грунта на одном из углов, выяснилось, что оно НЕ НУЖНО. Половина ветвей власти решила не покидать «старых квартир», а другая половина в силу немоги и декоративности не могла заполнить огромное здание численно и поднять хозяйственно.

Недоделанный на 10% Дом Советов прождал хозяев всю перестройку, но им было не до него. Рушилось всё государственное устройство, и садовник по имени История неумолимо купировал ветви по новым правилам. А когда в здании нет жизни, оно неизменно разрушается. Так было с большинством орденских замков на территории Восточной Пруссии: откуда уходили Власть и гарнизон, там воцарялась разруха.

Дом Советов как объект продаж

И стал недостроенный символ медленно превращаться в руину рас терянного на дорогах Истории пафоса. Мраморную отделку с цоколя растащили, непогода проникла через разбитые стёкла. Во время распродажи госсобственности его акционировали, и контрольный пакет был оформлен на Частное Лицо. Так началась история его продаж. Она покрыта домыслами и мраком, как всё, что связано с крупными приватизациями начала 90-х. Рассеивать его – не наша задача, мы описываем жизнь публичную, как она предстаёт в глазах той части населения, что ездит в трамваях.

Итак. Сначала ДС продали панамской компании. Затем его вместе с панамской компанией долго и успешно банкротили. Затем китайцы, которые два раза делали заходы по внедрению на местный рынок, потерпели там неудачу и рискнули сделать ход конём. Они решили купить ДС и сделать из него гигантский универмаг китайских товаров, «Чайна-Хаус». Полгода заинтересованная публика обсуждала столь невероятные метаморфозы, спорила, какой иероглиф напоминает двухбашенная композиция ДС. Полгода шли дебаты о пользе китайского акцента для российского анклава. Пока Леонид Петрович Горбенко, бывший в ту пору губернатором, не съездил с официальным визитом в Израиль.

Вы спросите – причём здесь Горбенко? И причём здесь евреи? И будете правы, потому что не причём. Были не причём, пока Горбенко не съездил в Израиль. Ездил он туда, чтобы подписать договор о строительстве в области свиноводческого комплекса, а приехал с подписанным договором о намерениях купли-продажи Дома Советов. Вполне в стиле Леонида Петровича...

Собственно, все знают, что китайцев переиграть в торговле нельзя. Если только за дело не возьмётся еврей. Они и взялись. Опять шли переговоры, опять местный люд, забросив Су Цзы и Ду Фу, читал «Тевье-молочника». Потому что все знают, что в торговле евреев переиграть нельзя. Если только за дело не возьмётся украинцы. А вслед за ними – татары.

В общем и целом ухаживания инвесторов не выходили за конфетобукетную фазу, читай, переговорно-декларативный период. Пронесясь кометой сквозь национальный букет торговых традиций, остались очередные владельцы Дома Советов при своих, а мы остались при нём. Стоял он по-прежнему Вечным Недостроен и служил на городском поприще именно тем, чем, собственно, и замышлялся: символическим напоминанием, кто на этой земле хозяин.

Хитрый корреспондент «Нью-Йорк Таймс», когда в начале нулевых писал статью про Калининградскую область, весь свой текст сделал через призму Дома Советов. Через него он описал прошлое, настоящее и даже чуть затронул будущее, справедливо полагая, что пуп города, его символическая и историческая чакра находится здесь, на Королевской горе. Хотя, может, он написал всё иначе: у меня не было 15 долларов онлайн, чтобы зайти в платный архив NYT и посмотреть, что из нашего с ним разговора он принял за чистую монету.

Да пребудет с вами животворная сила!

...Времена вокруг менялись, менялись губернаторы, президенты, мы с вами, а мёртвая громада в центре города оставалась по-прежнему пустой и безжизненной.

Заброшенность прервалась совсем с неожиданной стороны, как у тётушки Жизни всегда и случается. Из соседней Швеции, из самой что ни на есть рюриковщины, приехали на маленьком красном автомобиле четыре странные шведки. Шведки были художницы контемпорари арт из группы «Ракета», что бы это ни значило, и двух из них после въезда в городские ворота 400 лет назад сразу бы сожгли на костре, как бы они там себя ни называли. Звали их Оса (ударение на первую), Елена, Йоханна и Элизабет, а на визитках у них были нарисованы круги на красной воде. Отблески непотушенных костров, надо полагать.

Они приехали и привезли перфоманс. Укрепив на капоте своей маленькой машинки проектор с генератором, они ездили по вечернему Калининграду и проецировали на стены домов, на трамваи, на Дом Советов слайды, на которых так и не сожжённая шведка в лёгких одеждах танцевала какой-то неведомый танец.

Конечно, знающие люди тут же определили за этими действиями скрывающееся колдовство. По нормам приличия наряженное в одежды современного искусства. Шведки посветили проектором на стены, в воздух, в глаза случайным прохожим, а потом из Стокгольма прислали плакат с фотомонтажем, на котором был изображён ДС с ярко горящими окнами. Живой. Наш труп, но с горящими ярко окнами! Это было странно и непредставимо для нас, свыкшихся с безжизненным телом в центре города... Но на этой фотографии Дом был живой!

Почти сразу после подпитки первоэнергиями в ДС обнаружилось строительное шевеление. Бригада дружественных турок поменяла часть окон, покрасила фасад в цвет балтийского неба – и стали в трамваях говорить-поговаривать: универмаг! офисы! автостоянка! – в общем, жизнь там затеплилась, к юбилею города Монстр сделал праздничный макияж и оказался не таким уж уродцем. Нечто дружественно-нейтральное появилось в его облике. Появились изменения, жизнь – то, что отличает мёртвое тело от живого существа. Появилась надежда. Так что мы ходим мимо, смотрим, как в окошках ДС отражается закатное солнце, и ждём, ждём, ждём.

Калининградец на вкус и на цвет

...А если прокрутить колёсико линзоскопа в обратную сторону, то видишь вдруг себя, такого ма-а-аленького, занятого. С головой окунутого, вокруг ничего не видящего... Повседневная наша жизнь проходит мимо, а я не удосуживаюсь поймать её за хвост, припечатать острым глазом иль приласкать добрым словом. Недоласканная, с унижительной печатью «серые будни», влачится она унылым спутником по пыльному тракту. Глядя на неё, лень поднимать ноги и не пылить себе же в глаза.

Лишь заезжие москвичи с сакраментальным «Ну, как вы тут живёте?» да немцы-шведы, раз в год берущие интервью, заставляют подкрутить колёсико линзоскопа и заново взглянуть на себя.

И то правда, как сегодня живёт калининградец? Какова средняя температура и не остыл ли прежний гонор, разбавленный переселенцами из Средней Азии? Чем питается Гордыня Никитич Суперколлорн, чем занимается на досуге и помимо оного?

Приграничное состояние и контрабас

Пишем «Калининградская область» – подразумеваем «граница». Она вокруг, и вся исключительно государственная. Для ЕС мы геополитический инклюз, инокультурное тело по кличке Анклав. Для остальной России мы эксклав. Для нас самих... Вот поэт однажды сказал, что «все мы немного лошади». Не знаю, как лошади, но что все калининградцы – немножко контрабандисты, сомневаться не приходится. В хорошем смысле этого слова.

Всякий, кто учился в советской школе, списывал или давал списывать. Если вспомнить райские сады студенчества, то «шпоры» и «бомбы» остаются неизменным атрибутом студенческой жизни. Точно так же привычка обманывать бдительное око (кому бы оно ни принадлежало) в крови у постсоветского человека. А так как калининградец чаще остальных россиян пересекает границы, то отсюда почти всегда следует опыт контрабанды⁴. Либо участия, либо наблюдения, либо потребления, при любой степени законопослушности.

Каждый из нас потел, заполняя в декларации строчку «сколько везёте наличных денег?» (а вдруг я укажу, что у меня 700 баксов, а меня за шлагбаумом бомбанут?). Все мы просиживали томительные часы в автомобильной очереди. И убеждались на собственной шкуре, что Граница – это государство в государстве. Особая зона, где половина жизненных правил вообще не действует, а в другой половине привычный абсурд жизни заменён на свой, пограничный.

В одной научной книжке по фольклористике я нашёл утверждение: человек, отправившийся в путь (путник), перестаёт быть самим собой и может оказаться кем угодно. Полностью подписываюсь! Не раз, бывало, отправлялся и становился, но достигал окончательной точки и возвращался восвояси, к себе самому. Ох, не зря здесь фольклористы копают, ох, не зря!

Фольклористы и поэты. Потому что настоящий Поэт, столкнувшись с Прозой Жизни – даже Пограничной Жизни, – всегда найдёт способ придать ей черты поэтические и баснословные. Или изобретёт, например, метод Гоголя.

Метод Гоголя

⁴ На приграничном жаргоне – «контрабаса».

Калининградский визуально-генетический поэт⁵ Дмитрий Булатов очень любит составлять всемирные энциклопедии по нетрадиционной поэзии. Однажды он издал энциклопедию визуальной поэзии, затем – геномной поэзии, потом ещё какой-то поэзии, являя миру удивительное разнообразие поэтической телесности.

Самую свою первую энциклопедию он печатал в середине 90-х годов в Польше: там было дешевле. Отпечатал 999 экземпляров и встал перед проблемой переправки тиража через границу.

Двигаться официальным путём означало зависнуть на границе на неопределённое время с неопределённым результатом. Объяснить нормальному человеку, что такое визуальная поэзия, было почти невозможно. Тем более невозможно объяснить сие таможеннику. Нет, конечно, порнухой в толстенной книге не пахло... но кто их знает, таможенников? Существа они капризные, а запретительная власть у них большая: сочетание – хуже не бывает. И тогда Дмитрий придумал «метод Гоголя».

На польской стороне багажник старого «Форда» забивался пачками с поэзией, а сверху клался портрет Гоголя, взятый из школьного кабинета литературы. В рамочке, за стеклом, но без подписи. Знаменитый школьный портрет, на который мы взирали с 6 по 10 класс, стоя у доски и пытаясь вспомнить непрочитанную книжку.

Польскую сторону Дима проезжал беспрепятственно, панам было до фени, что ты выво-
зишь, лишь бы не ввозил. На российской стороне упитанный таможенник открывал багажник,

⁵ Данная разновидность поэтов любит употреблять непонятные слова, а всякую непрактичную сложность, перенесённую на чуждый материал (например, на геном розового тушканчика), называет поэзией.

замечал портрет и застывал, поражённый молнией. В мозгу таможенника возникала мнемоническая воронка, из жерла которой глядели на него школьные годы. Он явно где-то видел этого мужика на портрете, очень знакомый мужик, как же его звать-то?... что-то вроде...? или ...а? Таможенника клинило. Минуту он смотрел на портрет, затем захлопывал багажник и в ступоре пропускал машину. «Ччччёрт, как же его звать-то, явно откуда-то знаю, может, в кино видел?...» ...Следующую ходку Дима делал в другую таможенную смену и с портретом Достоевского. Так за четыре ходки вся визуальная поэзия была перевезена на нашу территорию.

Баллада о Серёге по кличке Опель

Серёгу-Опеля звали так потому, что он ездил на старенькой «Асконе». Был он из «афганцев», занимался небольшим бизнесом на границе и под эти нужды оборудовал свою «ласточку». Что такое «хорошо оборудованный автомобиль»⁶, поясню на примере. Одна моя знакомая недорого купила подержанную «Мазду». Радости её не было предела – до поездки в автосервис. Там машину подняли, а потом весь автосервис собрался посмотреть на такую чудовину и смотрел, уважительно приговаривая: «Надо же! Классная работа!» – минут пятнадцать. В машине было оборудовано второе дно, да так капитально, что выварить его, не нарушив жёсткости корпуса, было невозможно. В переводе на обычный язык сие означало, что машина невыездная. На таможне она засвечена как «корабль с трюмом», и её будут всегда арестовывать вне зависимости от того, кто на ней едет и что везёт. Попадалово, одним словом.

...Ну, так вот, была у Серёги-Опеля хорошо оборудованная «Аскона». Что он там на ней возил – неважно, что все возили, то и он. Пока однажды польская таможня не арестовала «Аскону», поместив её на штрафстоянку, а Серёгу отпустив во свояси, во российскую да сторону. Что мы знаем про штрафстоянку? Что это материализация формулы «время – деньги». Каждый день стояния стоит пенёны. Денег у Серёги не было, официальная процедура вызволения «железного коня» длинна, усеяна шипами коррупции и не очевидна в своём исходе. А «Аскона» не просто «ласточка», а средство производства, по Марксу. В общем, полное попадалово.

Таких ударов судьбы терпеть Серёга не захотел. Он вспомнил афганский опыт, ночью перешёл границу, миновав все кордоны, и пробрался на польскую штрафстоянку. Там он завёл свою «ласточку», выбил ею шлагбаум на стоянке, выбил шлагбаум на польской стороне (на нашей он был почему-то открыт) и скрылся где-то на российской стороне, растворившись в русской ночи, которая, как известно, темнее польской в несколько раз. Пока поляки соображали, пока связывались с российскими пограничниками, ночь, так сказать, растворила без остатка и «Аскону», и её похитителя.

Вообще-то нарушителей границы не любит никто: ни пограницы, ни таможня. Но иногда обстоятельства складываются в такую уникальную цепочку, что она никак не ложится в формат протокола. Ну что это за фраза: «...неизвестное лицо проникло и похитило...». Понятно, кто проник и похитил, но не доказать! Только и известно, что лицо сначала проникло, похитило, а затем почему-то бросило автомобиль во дворе Серёги – и что он, станет отказываться от такого подарка? Все местные газеты написали о дерзком случае на границе. Написали глуховато, как о казусе из ряда вон... Так что протоколы протоколами, а с тех пор Серёга-Опель стал почти легендой.

Окончательной легендой он стал годом позже. Он давно продал свою «Аскону», занялся чем-то более легальным, и вот как-то в пятницу звонят ему новые хозяева машины и говорят:

– Серёга, а твою «Аскону» опять поляки арестовали, прикинь... на ту же автостоянку поставили... во дают!..

⁶ Это как «хорошо темперированный клавир»: мощно и с подтекстом.

...В общем, на следующее утро, поставив машину во дворе новых хозяев, он позвонил им и сказал:

– В последний раз! Я вам не служба доставки.

Газеты на этот раз не написали ни строчки. Так всегда бывает, когда в горниле Рока на наших глазах рождается легенда.

Фас и профиль

В последнее время наш калининградец сильно поднаторел в своей самости. Наездился за бугор и в среднерусское раздолье, побывал там и сям. Даже юбилей города справил. Несмотря на нелепость некоторых фигур торжественности, сочинённых в горячке освоения юбилейных подрядов⁷... Изменений накопилось множество, в особенности тех, про которые говорит тётя, лет 10 не видевшая своего племянника:

– Господи! Как вырос! Уже двадцать пять! Да ты ведь настоящий мужчина! – а тот силится вспомнить эту тётю, и не может.

*«Снова читаю Канта. Опять ничего не понимаю!»
Из дневника Конрада Карловича.*

Начиная данную тему заново⁸, повсеместно натываюсь на протёртость прежних речей. За постсоветские годы калининградец сам себе со своей «спецификой» так надоел, что когда разговор заходит на данную поляну, обязательно сваливается в протоптанную колею: «мы всех круче» или «мы как все».

Ну, понятно, что и всех круче, и как все. В этом диапазоне может поместиться кто угодно. Все разговоры об «особости калининградца» зиждуются... вот словечко! Именно – зиждуются на достаточно простом допущении. Что люди, живущие: а) среди материальности другой культуры и истории, б) по соседству с границей и с) к тому же у моря, – что такие люди рано или поздно станут иными, чем сухопутные нестоличные россияне. Обязаны стать в силу всяких историко-социальных законов.

Но, везде существует местное своеобразие! В его котёл рукою Истории-матушки бросается и говор, и национальный сплав, и климат, и тот минеральный состав почв и ориентации по солнцу, которые на разных склонах горы дают виноград с разным вкусом. Ничего не поделаешь – почва!

Это не значит, что калининградцы становятся постепенно нероссиянами. Это значит, что портовые и приграничные города всегда своеобразны. У них свой образ, характер и темперамент. Которые ему самому могут быть непонятны. Как у подростков. Каждый может вспомнить период своего взросления, когда он заполнял тесты типа «Хочешь узнать себя? Ответь на 12 вопросов!». А процесс осознания себя сугубо индивидуален и, надо признать, глядя вокруг, отнюдь не обязателен. И по поводу пресловутой «европейскости» тоже за десять лет стало более понятно. Чтобы быть европейцем, не обязательно вступать в ЕС, это мы по соседям видим. Достаточно не пылить себе и другим в глаза и иметь память. И пешеходов пропускать на переходах. И мусор не бросать мимо мусорки.

Быть «местным» в Калининграде непросто. Раньше ведь «коренных» и «старожилов» в городе не было в принципе. Но вот прошли десятилетия, и за 60 мирных лет наплодились и коренные, и старожилы, местные и повсеместные. И они отказались вычитать старый город из нового, посчитав его за очевидную ценность. Посчитав необходимым продолжать город-

⁷ О, финансовая магия этого словосочетания – «освоение средств»! Скольких людей ты лишала здравого смысла!! Сколько турусов на колёсах возвела ты, давая повод для насмешек! Часть из них следует оставить для истории в качестве демонстрации желания действовать во благо города – и мучительного неумения этого делать...

⁸ См. «Местное время. Прогулки по Калининграду» А. Попадина от 1998 г. Или www.popadin.narod.ru.

скую историю, пусть даже в новой стране, с новым населением и даже с новым именем города. Потому что, несмотря на вычитание, – её много, памяти, и уже начинает приплюсовываться память от нового города, его удач и любовей. Ненависть не может служить топливом к строительству жизни, а любовь может. Ненависть хороша для войны, а любовь – для мира. То, что от любви в новом городе, запомнится и останется. И сложится со старым городом в единое целое.

Закругляя данную тему в композиционный канделябр, скажу лишь, что с нею пора переходить на шёпот. Потому как всякий громкий крик «Я честный! Честный!» вызывает справедливые подозрения.

Местный цвет и темперамент

Несколько лет назад группе местных художников зарубежные партнёры предложили участвовать в международном проекте «Прусский голубой». Это такой выцветший голубой, каким обычно бывает балтийское небо во дни антициклонов и какими глазами смотрит на меня тот парень, которого я брею в зеркале. В ответ на предложение Юрий Васильев, калининградский художник, сделал альтернативную серию проектов «Русский красный». Всё вроде ничего, только вот в этой полярности мне чего-то не хватает...

Попробуем перебрать. Серый цвет. Не очень-то весёлый. Отдаёт унынием. Есть ли он в нас, родимых? разлит ли в объёмлющем ландшафте? Конечно! И хорошо, что не только он. Жёлто-голубая гамма. Наивная и честная гамма жаркого лета и жёлтого пляжа. Настолько наивная, что... Маловато будет. Зелёный? Имеется, с оттенком «балтийский хлорофилл». Коричневый? Светлая его версия, зафиксированная сосновыми стволами. А фиолетовый? – ну да, фиолетовый! чудоватый фиолетовый темперамент – иногда, особенно для ночей, весенне-летних-осенних, с безуминкой и волнующей круговертью событий...

Кстати, о безуминке-чудовинке. Есть, есть такая искра в нашем брате, согласен. Не пьяная дурь, привычная защита русского от тоски и жизненных неурядиц, которая отливается в звероподобном рыке... нет, не про неё речь, хотя и она имеется. Она заслоняется другой, местной, более холодной и менее изученной.

Ещё не возведена цветная искра в атрибут джентльмена, но уже просвечивает её облик. Отливаются её формы, и туда, в сторону изощрённого юмора и чудачества, движется дрезина, гружённая поместными оттенками. Довозит подземными путями до Тайной Канцелярии, генерал-аншеф которой... нет, Генерал-Аншеф! – которой в позументах и аксельбантах, лампадах и канделябрах уполномочен регистрировать новый цвет. Он открывает грессбух... нет, Грессбух! – ведёт ухоженным ноготком по разделам, страницам и строчкам... соотносит, вписывает в карточку сомнений (голубого прусского цвета) и долго смотрит на неё.

С сомнением. Устойчива ли чудовинка? своеобразна или инвариант известных? Достает другие карточки сомнительных цветов, перебирает, соотносит.

Откинув, наконец, сомнения, присоединяет новоприбывшую к старожилам и ставит штамп «настоящим верно». Чудовато-фиолетовым новым цветом.

Дрезина покидает стены Канцелярии. Она доезжает до конечной ветки и попадает во власть мрачного механизма, если только механизмы бывают мрачными. Поймав дрезину за уши-скобы, механизм вываливает содержимое в тёмную бездну, в штольню. На дне её волнуется кипящая лава амёбоподобных существ, белёсая лава нераскрашенных сущностей. Лава поглощает упавшее, переваривает и на глазах отсутствующего лорнета радостно – радостно! превращается в наших, местного цвета, подземных жителей подземного Кёнигсберга. Дрезина ставится на рельсы и отправляется на изначальную позицию. Новая местная чудовинка прошла регистрацию. И прусский голубой здесь абсолютно ни при чём.

Виртуальный житель

За 20-летие существования интернета рядом и поверх города реального вырос город виртуальный. Он зашумел многими голосами, наполнился кладбищами сайтов и остывших амбиций. Брошенные, пылятся они, время от времени закрываемые администраторами хостингов – или как называются эти люди с бамбуковыми палочками и чёрными клобуками на голове?

Старый Кёнигсберг виртуализируется со скоростью «Полярного экспресса». Всё материальное, что осталось от него, так или иначе вошло в материю Калининграда, а нематериальное – фотографии, чертежи, мемории – понемногу размещается в интернете, обрастая комментариями и новыми контактами. Зубчики цепляются за зубчики, кулачки за стрелочки, и виртуград сопровождает Калининград в виде астрального тела, скопления памяти. Эти два города скреплены меж собой весьма странным образом.

Виртуальное странно для материального, так как живёт по своим законам. У него нет площадей, но есть ратуша – сайты мэрии и gubernского правительства. В нём есть места встреч, публичные и приватные клубы для болтовни и по интересам. Есть рынок, но нет тюрьмы. Нет милиции, но есть модераторы и сисадмины.

Зато присутствуют официальные громкие речи и неофициальные жаркие схватки (сетевая анонимность располагает к безответственности). Там нет мускульного проживания ландшафта, протяжённости пути, как нет и самого пути. Прогулки по нему невозможны. Может, это и есть основное отличие виртуального города от реального? Если сетевой наш город призрачен, это не значит, что в нём нет горожан. Любая виртуальность существует до тех пор, пока в неё верят (или играют) люди.

У виртуального калининградца лицо молодое, с редкими включениями оловых юзеров и коммерческих сайтов. Потусоваться-пообщаться здесь можно на всякую тему. Из чатов и блогов мы узнаём, что если мы хотим попеть под гитару и сыграть в «кродила» – пожалте на берег Нижнего пруда к бывшему памятному знаку «Нормандия-Неман» либо к прибрежному дереву с гордым именем Куриная Лапа. Если любим играть в задания «доберись ночью командой из 5 человек до 5 точек в городе и разгадай 5 загадок» («Переполах»), – нам туда. Писать и читать стихи – сюда. Печь пирожки – туда; есть пирожки – сюда. Там есть даже своя улица красных фонарей, на которой почётное место занимает почему-то Васильково. Какие-то эротомонстры там живут, однако!

В общем, в Сети общение идёт полноводной рекой. Но если в ней усматривать городские черты, то у них у всех одна проблема: дефицит сюжетов и свежих мыслей, а также активных персонажей с Длинной Волей, умеющих собрать под городскую идею народ. Не просто потусоваться-поболтать, а для чего-то большего.

– А на что большее? Ведь мир у них виртуальный! – спросите вы.

Ну, не знаю... мир, в котором нет чего-то большего, чем «собрались-поговорили», заканчивается вместе с разговорами. А город, пусть он и виртуальный, не должен заканчиваться со словами «ну, до связи!». Так что договоримся под «чем-то большим» подразумевать то, что город этот составляет. Память, чувства, фотки, очарования и социальные ландшафты вместо ландшафта материального... что-то большее, чем 2 или даже 100 человек. Юмор, память и желание жить интересно, не ленись обустроить место жительства для всего перечисленного.

Кстати, о юморе. Временами виртуградцы объединёнными усилиями рисуют собственный портрет, коварно ставя его на выгодный фон – слабое представление россиян о провинциальной европейской истории. Чистота фона такова, что на этой доске можно рисовать любые коктейли из имён, дат и событий. Так сочиняется уморительный текст, пародирующий экскурсию по городу. Произносить его нужно нарочито бодрим голосом, неправильно ставя ударения в иностранных словах типа «Шлоссберг» или «Оттокар Пшемьсл»: «Начинаем нашу прогулку по Калининграду, который раньше назывался Кёнигсбергом. Вот сейчас мы выхо-

дим из Южного вокзала. Вокзал построен в южендстиле и назван в честь поселка Южного, где располагается знаменитый калининградский табор. Вокзал сделан из красных кирпичей – это значит, что его построили немцы. Все дома, которые построили немцы, сделаны из красных кирпичей...».

Так возникает «Чемоданчик ностальгии», включающий предметы, которые должен взять калининградец при выезде «за пределы». Так возникает «Тест на калининградскость», чья идея подсмотрена авторами в Северной столице. Или записывается синопсис «Ты калининградец, если...», в котором описаны признаки калининградца, его повадки, места сезонного скопления и брачного танца.

Достижением на ниве самоописания, с изрядной долей чёрного юмора, стал текст, озаглавленный «Мифы о калининградцах» и составленный калининградскими блоггерами из «Живого Журнала». Зеркалом для компендиума послужили всё те же гости города:

- У калининградца есть дома маленький макет Королевского замка, а в цветочных горшках у него растёт могилка Канта.

- По ночам калининградцы видят сны на немецком языке.

- Калининградцы разобрали Янтарную комнату на бусы.

- Калининградец выезжает на пикники чаще всего на танке «Тигр», подбитом его дедом, откопанном его отцом и отремонтированном им самим.

- У каждого калининградца в туалете хранится канализационный люк с надписью «Кёнигсберг». А когда он смывает воду в унитазе, то задумчиво глядит на водоворот и мысленно уносится в подземный город...

...Краткая выдержка из этого плода коллективного творчества лишь подтверждает старую мысль: без мифа или игры реальность невыразительна. Либо пресна.

Московский вопрос

Москвичи висят

Везу я как-то раз к морю гостей-москвичей. Это рано или поздно приходится делать каждому калининградцу: загружаешь машину под завязку гостями, и – на море. И обязательно находится среди них один, который через 10 минут говорит:

- А что это вы так едете, 70 километров в час?

Ладно, прибавляю газу. Через пять минут он говорит:

- Да, прибалты везде одинаковы... видать, тут у вас филиал Эстонской республики...

Ладно, прибавляю ещё. Попутно рассказываю про немцев, придумавших петляющие дороги как средство против бомбардировки военных колонн самолётами противника. И про деревья по обочине, высаженные с этой же целью. Поэтому ограничение скорости по местным дорогам – 70 км/ч. Но краеведческая инъекция проходит втуне. Ретивый москвич снова подаёт голос:

- Ну разве это езда? Вот у нас в Москве я меньше 120 по кольцевой не езжу! Если бы я был за рулём...

- Венки на деревьях по обочине видели? – спрашиваю.

- Видели, – говорит ретивый.

- Так это москвичи висят.

До моря едем в молчании.

Симметрия

Очень любят москвичи сомневаться в существовании калининградца как автономного городского типа с лёгкой патриотической ноткой во взгляде. И нотка-де самодовольная, и прав вы никаких не имеете, да и нету вас таких, калининградцев. Пустое! Все здесь приезжие. В той или иной степени...

– Сам-то ты откуда будешь?

– Из Москвы.

– Из Москвы он... что-то я тебя там не видал!

Сражаясь с превосходящими силами противника, однажды я набрёл на факт удивительный: главные оппоненты, москвичи, в этом споре симметричны калининградцам. На мой вопрос, а кто из вас, товарищи, родился в Первопрестольной, из 12 человек поднялось 1,5 руки (половинка родилась в Люберцах). Большинство же оказалось москвичами недавнего призыва. На фоне официальной статистики, по которой 53% жителей Москвы – её уроженцы, призрачный контур калининградца (эти же 53% родившихся в Калининграде) приобретает статистическую симметрию.

– Ну зачем, зачем вам ехать в эту Москву?!?!

Приехав лет 10 назад в столицу, пройдя несколько ступенек роста, возвращаются они в провинцию уже Москвичами, продвинутыми циничными штучками. Понты-зонты-лимоны. Миллионный конвейер по переработке провинциалов, вот что такое наша столица.

У каждого человека хоть раз в жизни возникало желание перемены участи. Есть не много способов её совершить: развод, женитьба, кардинальная смена работы и – переезд в другой

город в поисках другого себя и лучших перспектив. И здесь возникают Калининград и Москва в некотором соседстве. Хотим мы того или нет, в советское время Москва (и отчасти Ленинград) была для всей страны карьерным и географическим пределом. Уехать в Москву – значило вырваться из ограниченного круга местных провинциальных перспектив в чистое поле, раздолье непредсказуемых шансов.

Но многое случилось с советских времён с нами и страной. Мир возможностей раздвинулся до пределов всей планеты. Появились и Варшава, и Берлин, и Париж, Нью-Йорк и Токио. При всех языковых и ментальных трудностях они – возможны. Эта возможность нарушила монополию Москвы, её единоличное царствование в горизонте провинциальных устремлений. Курносый столичный носик сейчас находится в соседстве с другими нахально задранными носами, и нам доставляет невыразимое провинциальное удовольствие наблюдать, как она становится нам ближе, наша Москва. Потому что нам есть с чем сравнивать.

Врачи утверждают, что физиологическая реакция организма на лекарство непредсказуема, если организм пьян и в реакции участвует алкоголь. Иной химизм отношений включается тогда между лекарством и организмом. Примерно так выглядит московский химизм отношений при взгляде из нашей отдалённой провинции. Очень уж много в Москве «алкоголя» быстрого действия.

Иного, впрочем, и не может быть в городе, которому страна «поручила» ответственность за принятие решений, за прогресс, за концентрацию «самого-самого» в границах двух кольцевых дорог. У них большая заточенность на результат (московская трудовая этика?). Они, как профессиональные торговцы или политики, быстро оценивают встречного человека по невидимой нам Московской Шкале, и нам остаётся только гадать о её составе. Там, наверное, есть пункт «степень продвинутости», обязательно стоит параграф «модные тенденции» и уж непременно – «причастность к Высшим Кругам». Москва до краёв напичкана Высшими Кругами, и если уж Москвич сам не принадлежит к оным, то обязательно обедает или ручкается, или учился в одном классе с теми, кто к ним принадлежит, с Известными Людьми, – о чём любой москвич прозрачно намекнёт вам на третьей минуте разговора.

Именно этот химизм и «само-самость» перековывают одних в другие, провинциалов всех мастей в столичных штучек последнего призыва. Поэтому они уезжают. А мы всегда остаёмся.

Они и мы

Они всегда уезжают, а мы остаёмся. Мы смотрим им вслед, если их современники; помним их имена, если потомки, но мы знаем, что принципиальная разница – в этом. Оставшись, мы длим память места, куда составной частью входят они. Оставшись, мы становимся частью этого места на земле. Уезжая, они думают (и иногда это правда), что могут состояться, только если уедут. Здесь, у нас, да и с нами, это невозможно.

Не из-за нас, нет. Просто иногда, чтобы выковать судьбу, нужно уехать. В Москву, Лос-Анджелес или в Токио. А иногда, чтобы вылепить другую, нужно остаться. Только и всего. Мы необходимы друг другу. Если все уедут, то кто ж останется? Если все останутся, то кто ж будет наполнять столицы и расцветивать бескрайнее море культуры и истории?

Мы необходимы друг другу, уроженцы и жители. Если вы прославитесь, мы будем вешать мемориальные доски и делать о вас доклады в местных библиотеках. Мы будем вспоминать и помнить, потому что должен же вас кто-то вспоминать и помнить, кроме родных и профессоров в университетах...

Только обеим сторонам надо иметь в виду, что мы разные, и это нормально.

Во весь бронзовый рост

Прибавление в семействе

Как правило, памятники ставят Благодарные Потомки. И ставят не просто человекам, а Историческим Личностям. Которые либо свернули ход Истории, либо, наоборот, удержали её русло в прежнем положении.

Но Благодарность Потомков, как и многое в этой жизни, неравномерно распределена во времени и пространстве. Бывают времена, когда потомки десятилетиями не обращают благодарственного внимания на Исторических Личностей. Когда они просто потомки, без благодарственной атрибутики. А в иные времена долго сдерживаемая любовь вдруг прорывается, и бронзово-медное население города умножается сверх ожидания.

Именно так случилось в последнее десятилетие. В юбилейную страду 2005 года «скульптурные монументы» резко прибавили в численности, а город пережил искушение дарами. Стратегия Церетели – дарю городу свой труд неимоверный! – нашла у нас своё провинциальное продолжение. Каждый норовил что-нибудь подарить или, на худой конец, сделать вид, что подарил. Одна крупная торговая сеть «подарила» к юбилею городу супермаркет. Другая – разводной мост, построенный, как потом выяснилось, на федеральные деньги.

Практика широких жестов с истечением юбилейной двухлетки иссякла, завершив эпоху бедным Высоцким, «подаренным» «обществом его почитателей» на частичные деньги одного из доверчивых депутатов горсовета. Высоцкий у нас является материальным воплощением Народной Любви. Глядя на него, становится понятно, что любви у нас много, только вот любим неумело. А пафос воздвижения ужасно заразительная вещь: на даче Михалыч вон какую штуку забубенил – закачаешься! И мы можем, на самом видном месте, и заодно соотечественников осчастливим!..

И осчастливили. И стал Высоцкий в парке антропологической версией Дома Советов. Есть простой способ определить качество «подарка»: представить его себе через 10 – 20 лет. Плохие монументы не умеют красиво стареть, этим поддельное отличается от настоящего. Так что через некоторое время у Володи листы медной обшивки отслоятся от бетона основания (внутри он бетонный! скородел = скоропорт), и с Высоцким случится то же, что с Калининым на Вагонке, а потом и с Кутузовым.

– А что с ним такое случилось, с Михаилом Илларионычем? – спросите вы. – Скульптор – хороший, металл – настоящий...

Ну, как вам сказать... Сапоги прохудились.

Те из нас, кто жил в XIX веке, знают, какое важное место в жизни человека (и в особенности военного) занимали сапоги. Ни надеть, ни снять их без денщика не было возможно, такие они были красивые и узкие в голенище.

– Айн момент, ваишсиятельство!.. смальцем, а не дэгтем!

Военный человек мог быть пропойцей. Мог быть плохим военным с точки зрения собственнo военного дела. Но он должен быть блестящ в своих сапогах!

Искусство сапожных дел было именно искусством; удобная обувь во времена дофабричного производства ценилась весьма высоко. Так что правильные сапоги – это было круто! А чуть раньше – ботинки с широким тупым носом и пряжкой. Как у Гулливера. Как у Шиллера, который у драмтеатра. Поэтому так важно, чтобы обувь соответствовала масштабу исторического персонажа и моде его времени.

Вот Ильич стоит у нас в простеньких интеллигентных штиблетах. Он, что скорее всего, сапоги носил только в Шушенском. Добротные сандалии имеет Франциск Скорина, такие и я бы носил, – только они сокрыты под национальным белорусским хитомом, и марки не разобирать. Хорошие сапоги у Василевского; ботфорты Петра Великого тоже вызывают уважение.

И всем им завидует Михаил Илларионыч. Потому что оба его сапога прохудились. Из них течёт зелёный жидкий малахит, как из пробитого снарядами броненосца. Скульптор Аникушин явно не предполагал от тела такой предательской недолговечности!.. Да и в каком месте! Ведь те из нас, кто жил в XIX веке, знают, какое значение в жизни военного человека имели сапоги...

Впрочем, это мы уже читали. Как и список благоглупостей современников, извиняемых токмо благими намерениями да желанием строителей получить подряд, а чиновников – поставить галочку. Право же, куда бы направили свои стрелы борзописцы, не будь в городском ландшафте чудесных перлов? Без них никак. И не последнее место среди них занимает преображённый Маринеско. Знаменитый подводник останется в наших картах памяти не из-за бронзы (хотя и она немаловажна), а благодаря эстетической концепции монумента.

С Маринеско приключилась весьма характерная история для эпохи УЕ. Сначала, с началом перестройки, инициативные люди долго добивались официального признания его подвига. Наконец в 1990 году посмертно ему присудили звание Героя Советского Союза. А так как он произвёл «атаку века» в районе Данцигской бухты, потопив суперлайнер «Вильгельм Густлов» (так формулировался подвиг в газетах), то инициативная группа стала ходатайствовать об установке памятника Маринеско в Калининграде. Как-никак, это же рядом с Гданьском...

И в 2001 году скульптуру установили. Не на реке, не в Балтийске, что логично для подводника, а на берегу Нижнего озера, у Срединного моста. И здесь в очередной раз проявились чудесательные свойства, которыми, очевидно, обладал этот человек. Потому что памятнику вполне может позавидовать Сальвадор Дали.

Дело в том, что подводная лодка сократилась до стилизованной рубки с рваными краями, будто бы побывавшей под обстрелом прямой наводкой. И в ней, невзирая на рваные края металла, на некоем подобии пенька (гриба?) сидит Маринеско. Молодой, весёлый, оторвавшись от перископа, он с улыбкой смотрит на прохожих, идущих по Срединному мосту. Очень весёлый (что он там в перископ увидел?) и очень молодой. Да, Александру Ивановичу в пору командования подлодкой «С-13» был лет тридцать. Но в памятной бронзе он помолодел категорически, до студенческого возраста!

В общем, хорошая ландшафтная композиция, абсолютно лишённая милитари-пафоса, что чрезвычайно редко для патриотической темы. Глядя на неё, становится ясно, отчего в 30-х годах в США одна общественная ветеранская организация приняла декларацию, в которой рекомендовала при установке памятников военным деятелям «не отходить от принципов реализма». Что чревато некоторым однообразием фигур памятования, но зато предупреждает от вольных трактовок.

Василевскому из служивых повезло больше всех: он единственный полнорослый военачальник второй мировой, получивший в Калининграде монументальную прописку. Тот же

Рокоссовский, например, скульптуры не удостоился, зато получил танк на улице своего имени. Легендарную тридцатьчетвёрку местные жители любят, и она помогает им отбиваться от коммерческих застройщиков уличных скверов.

Посаженный на придорожный валун, одетый в тяжёлую шинель, как в броню, Василевский глубоко задумался с планшетом в руке. С левого фланга или с правого? А, может быть, с тыла? Если укромно устроиться у его подножья, меж отечественных сапог, то видна мирная жизнь площади. Видны отдыхающие, разместившиеся на скамейках периметра, под рябинами-калинами; видны бимиксеры, рисующие иероглифы мастерства, да крылатые символы мира, стайками пасущиеся посерёдке площади. Среди них выделяется Сизокрылый, имеющий на всё свой боковой взгляд, – но он нам ещё встретится, в другом месте, в своей вотчине...

Дуб и ссылка

Пирамидальные дубы в нашем городе любы всякому. Всяк их привечает и, встретив во время прогулки, неизменно обнимает со всей доступной страстью. Самый известный растёт недалеко от штаба Балтфлота, старинный и редкий в наших прямоугольных краях.

Как водится, предание приписывает посадку дуба Петру Первому. Будто бы в последний свой приезд в Кёнигсберг ехал тот в карете, глядел на унылый прусский пейзаж, и так тошно ему стало, что захотелось внести сюда что-нибудь широкое и раздольное. Отчего он буквально выпрыгнул из кареты и заявил сопровождавшим пруссакам, что намерен посадить во-о-он там дерево. На память, так сказать. Изумлённые таким оборотом пруссаки чинить препятствий не стали и даже по прошествии первичного шока помогли царю найти достойный саженец.

– Что за дерево? – недоверчиво спросил царь, воззрившись на тощенький ствол.

– Не тревожьтесь, Ваше Величество, это дуб, – отвечали ему. – Дубус пирамидалус, редкий благородный вид.

Царя, любившего всё редкое и благородное, такой ответ удовлетворил, и он собственноручно вкопал тощий ствол во-о-он у той развилки дорог. Себе для забавы и в назидание потомкам, так сказать. Что именно должны были потомки назидать, никто теперь сказать не может. И по прошествии времён, когда прусский пейзаж заполонился русским духом, военные устроили у дуба штаб Балтийского флота. И поставили рядом статую Петра.

Вот так незначительные и импульсивные поступки царей могут никак не сказаться на нашей с вами судьбе.

Впрочем, в начале 90-х жизнь творческая и самостийная опять пролилась на то древо. Великий Визуально-генетический поэт Земли Русской, академик Всемирной Академии Зауми Дмитрий Булатов устроил на памятном дубе самый настоящий перфоманс. И это в конце 80-х! Тогда за такие слова в общественном месте можно было запросто схлопотать по фрейду⁹.

Действо выглядело так. Дмитрий Булатов – тогда ещё просто юный оригинал – как-то летним субботним утром взобрался на дуб, спрятался в его кроне на манер Соловья-разбойника и в мегафон стал подавать прохожим запретительные команды, выраженные в глаголах неопределённой формы повелительного наклонения.

– Не останавливаться! – строгим голосом вдруг кто-то командовал сверху прохожему, который и так останавливаться не собирался. Тот, конечно же, притормаживал, озирался, и тут его настигали следующие команды:

– Проходить, проходить, не оглядываться! Прекратить толпение! Больше трёх не собираться! – ну и прочее в таком духе.

Все эти команды вызвали однозначную реакцию: люди останавливались, толпились больше трёх и своим поведением полностью укладывались в сценарий перформиста. Так он

⁹ По фейсу. Опечаточка.

развлекался всё утро, пока не попался морячок-курсант. Тот первую команду, не раздумывая, исполнил, а на третью вычислил «командира» и попытался взобраться на дерево. Не преуспев (моряки без качки плохо лазают по пирамидальным деревьям), плюнул, обложил Дмитрия Булатова «солёной морской бранью» и, сказав «ты, командир, там посиди немного, я сейчас с ребятами вернусь», исчез. А Булатов вскоре слез с дерева с мегафоном на шее и абсолютно довольный начавшейся субботой. Перфоманс назывался, если память мне не изменяет, «Гений Сократа». Булатов своими действиями моделировал внутренний голос Сократа, который только останавливал его (Сократа), но никогда не понуждал к действию.

...Ну а более про этот памятник и соседнее ему дерево сказать мне нечего. Кроме фольклорного факта, что, дескать, военно-морской дуб помогает от мужской немощи. Со способами употребления выходит разноголосица, но мнения сходятся в том, что к нему надо плотно прижаться фронтом.

А так сказать особо нечего. Кроме художественного факта, что во время Дня города под Петровым указующим перстом Саламба Ктулху продаёт Волшебных рыбок, а Рита-Маргарин – самосшитых антистрессовых котов с потаённой бусинкой в хвосте.

Ну а так сказать совсем уж нечего. Кроме грустного факта, что точно такой же Пётр уже стоит где-то (Архангельск? Мурманск?), и что клейма мастера на калининградской скульптуре мною обнаружено не было¹⁰. И что из-за торчащего сзади якоря скульптуру ещё иногда называют «Пётр с хвостом». Впрочем, место всё равно милое. Да и мало ли у кого из нас в жизни не было хвоста?

Злоключения Ильича

Переезд Ленина с площади Победы сопровождался столькими казусами, что сам по себе уже стоит отдельного описания.

И подземного хода под Лениным не оказалось. Всего лишь подземный буфет под трибуной, куда партайгеноссе спускались после демонстраций и парадов закусить-выпить да в туалет сходить... Зато при демонтаже обнаружилась история менее приятного свойства. Часть каменных плит, которыми был облицован постамент Ильича, оказалась немецкими надгробиями. С выбитыми изнутри фамилиями и датами рождения-смерти... После недолгой морально-политической паузы плиты были отданы представителям лютеранской церкви.

То было началом злоключений. Опасаясь, что Ильича отправят в ссылку, сторонники «видного государственного деятеля» (так звучала теперь его официальная ипостась) стали митинговать, грозить в мегафон, и мэр поклялся, что Ильича вернёт, вернёт, только вот положим его в бо... На реставрацию; подлечим, а после обязательно вернём, лучше прежнего будет, да на хорошее место. Надо только сообразить, на какое именно...

Вот тут и началось! Каких только мест не предлагалось в шутку и всерьёз для свергнутого госдеятеля! Многие предлагали скверик возле своего дома (хотя бы тогда благоустроят и скамейки поставят!). Народное творчество масс развернулось во всю ширь. Конрад, например, Карлович предлагал установить Ленина в ремонтируемый Дом Советов: холл там огромный, в несколько этажей, вот и будет, так сказать, два в одном. Символ в символе. Предложение было проигнорировано как радикальное. Тогда по кабинетам и офисам стала ходить версия резидента по имени Штирлиц – сделать Ильича мобильным, на колёсиках, и ставить его во двор того дома, который победит в соцсоревнованиях. Чтобы никому не обидно было. Мобильный переходящий Ильич, МПИ, версия постмодернистическая. Затем родилась концептуально-ландшафтная версия. Берём воплощение социалистического города (здесь – Бал-

¹⁰ Скульптура подарена Калининграду главнокомандующим ВМФ РФ Владимиром Куроедовым к празднованию 300-летия Балтийского флота.

трайон в ареале бульвара Любови Шевцовой) и водружаем в каком-нибудь знаково-ландшафтном месте, например, на автобусном кольце. Что породил, то и украшай.

На такие жертвы мэрия оказалась не готова. Последователи Ильича тоже. Почему-то они хотели улучшить что-то уже хорошее, уже ставшее. А именно – кёнигсбергскую часть Калининграда. Улучшать Балтрайон они хотели в последнюю очередь!

Ладно. Завис Ильич, как Windows. Год лежит на ремонте в кузнице на Печатной, второй год лежит, дальше лежать уж нет никаких политических сил. В конце концов вернулся Ленин в самый конец проспекта своего имени, в сквер рядом с бывшим расположением Хабербергской кирхи. Так как художественным оформлением ведал некий безымянный строитель (он не преминул в прессе упомянуть, что работали в 3 смены, но уложились в срок), то Ильич обрёл из всех вариантов дизайна самый невыгодный: фонарики высотой по колено, случайный постамент и ноль сопутствующего благоустройства. Все признаки политической ссылки налицо. Но хоть упокоился с местом, бедолага! В России по КЗОТу (Кодексу законов о труде) установлено: откуда пошёл человек болеть-лечиться, на ту же должность и должен вернуться после лечения.

Или на равноценную. Ведь должность памятника госдеятелю у него осталась: ход Истории он, бесспорно, повернул.

Университетская триада: Альбрехт, Людвиг и Франциск

А вот скульптура герцога Альбрехта¹¹, вставшая у могилы Канта, в первую очередь навевает мысли о физической эволюции человека. Те, кто бывал в Польше в замке Мальборк (недалеко от границы с Калининградской областью), среди множества средневековых чудес видел чудо акселерации рода человеческого: настоящие латы герцога Альбрехта. Они МАХОНЫКЕ. Они в пору современному 14-летнему мальчику из середины классного строя на физкультуре. Как уверяют антропологи, во времена XV века такой рост был нормой для европейского населения. Но не рост определяет историческую личность, как мы знаем, а дела её.

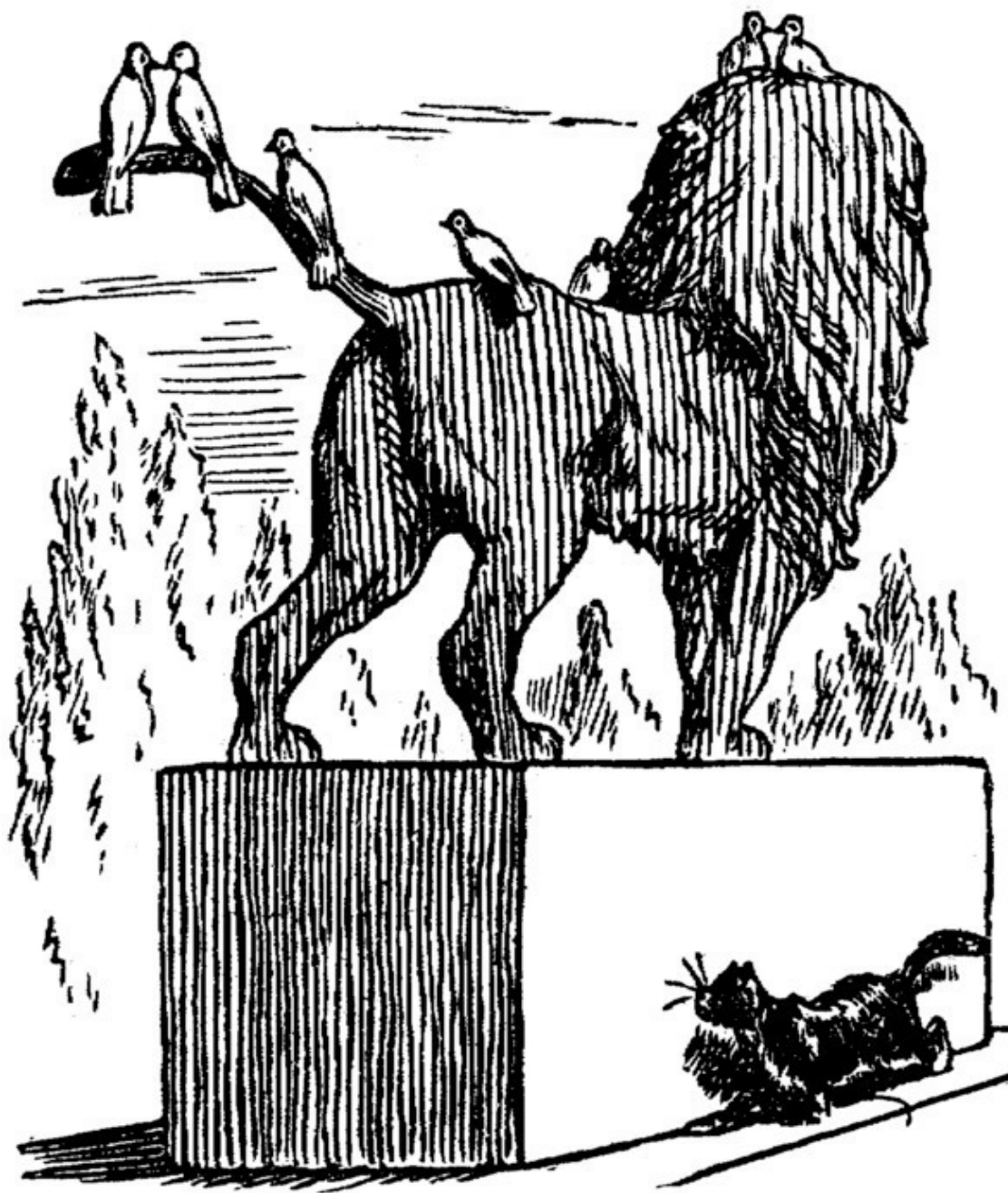
Наш герцог, как и полагается властителю, стоит на историческом постаменте в просторной хламиде и с государственным выраженьем на лице. Имеет право! – скажем мы, далёкие потомки, и начнём загибать пальцы. Альбрехт сделал церковное государство – орденскую Восточную Пруссию – светским герцогством. Произвёл себя из Великих Магистров ордена в герцоги. Сделал официальной религией своего государства лютеранство. И, в конце концов, основал Кёнигсбергский университет¹²... в общем, потруился на исторической ниве на славу себе и на память потомкам. Потому – возвеличен.

Прежде знали мы его лишь по старинной печати университета, где он с мечом и в рыцарских доспехах. Теперь же мы видим его воочию, в бронзовой материальности и в приятном соседстве с самым знаменитым сыном его университета – Иммануилом.

В другом конце города поселился другой сын Альбертины, Людвиг Реза. Камерный сквер на пересечении пр. Победы и Каштановой аллеи был уютен и до Резы. Разве что требовал мало-мальского ухода и установки скамеек. Что тамросло? Вейгела прекрасная росла (это имя у неё такое), калина Бульданеш, чубушник и снежноягодник. И два клёна остролистных.

¹¹ Скульптуру герцогу Альбрехту работы профессора Ройша установили в Кёнигсберге в 1891 году. После войны скульптура пропала, а постамент Альбрехта установили на улице Кутузова, где он нёс на себе бюст Михаила Илларионовича. Затем Кутузову поставили полноростный памятник, освободив постамент. В юбилейный 2005 год скульптор Фёдор Мороз восстановил фигуру герцога на «родном» постаменте.

¹² За что получил прозвище Альма Патер.

Голуби – самые большие любители памятников

Сквер замостили, а Резу поставили вровень с пешеходом, бредущим к трамваю №4. Реза идёт рядом. Поэт и бывший ректор Альбертины¹³ погружён в раздумья и потому не замечает ни случайного попутчика, ни трамвая №4, ни обрезанную башню капеллы святого Адальберта. То, о чём он размышляет, наверняка важнее суетливого мелькания дней... Фигура литовца напоминает птицу, вымершую задолго до Красной книги и залетевшую к нам случайным ветром. Самым примечательным в фигуре и её окружении остаётся факт невозвеличенности: как был сквер камерным беспасфосным местом, так и остался.

Есть у нас ещё один скульптурный персонаж с университетской пропиской. Издалека его легко принять за Зевса или Юпитера. Многие по незнанию и принимают, так как верят глазам своим. А глаза видят – кого? Бородатого длиннокудрого мужчину в просторном хитоне, в позе

¹³ Обустройство сквера и скульптуру Арунаса Сакалаускаса подарила в год юбилея городу Литва.

вальяжной власти, в какой скульпторы обычно изображали верховных богов античной древности. Который провожает взглядом студенческий ручеек, текущий к физматкорпусу на ул. Невского. И который до того наполнен величественным эросом, что кажется: приметит симпатичную студенточку, отыщет в полутьме лабораторных занятий, когда они все будут в халатиках, – и прольётся на неё золотым светом, как в известном сюжете!

Но вот подходим мы ближе... Как удивительно бывает обманчива фигура важности, замысленная скульптором! Оказывается, она – поза мудрости, и безо всякой эротики. Оказывается, никакой это не Зевс. Откуда ему взяться в балтийских широтах? Это Франциск Скорина, славянский просветитель, уроженец белорусского Полоцка. Фигура в славянском просвещении заметная. Скорина непродолжительное время служил при дворе герцога Альбрехта и по этому признаку был установлен в 2005 году в сквере около университетского корпуса на ул. Невского. Дар Беларуси городу ко дню юбилея. Да, замысловаты пути монументостроителей. Несмотря на поясняющие таблички, нам никогда не узнать подлинных мотивов возникновения того или иного бронзового товарища во скверах нашего города.

За исключением, впрочем, одного случая. К нему имел непосредственное отношение известный нам спутник Конрада Карловича в городских прогулках.

Самый русский из немцев

Однажды (скорее всего, это была весна) один молодой человек прогуливался с барышней возле Калининградского зоопарка.

– Интересно, а что там делает этот медведь? – спросила его спутница, узрев на фасаде гостиницы «Москва», в левом верхнем углу, фигуру косолапого.

Молодой человек, не имеющий привычки копаться по архивным полкам, откинул левую руку в сторону, прочертил в воздухе невидимую линию и заглянул за неё. То, что он там увидел, было поразительно.

– Представляешь, это всё Мюнхгаузен! – горячо воскликнул молодой человек, глядя перед собой в пространство застывшим взглядом. – Когда он ехал на русскую службу в Санкт-Петербург, то проезжал через Кёнигсберг, и тут приключилась с ним одна... ИСТОРИЯ! с ним и с местным медведем. Которого барон держал за лапы до тех пор, пока тот не сдох с голода, – мы все знаем этот подвиг, ведь правда? – И он перевёл взгляд на барышню.

– А где тогда сам барон? – спросила барышня, широко распахнув глаза.

– Он укакал! А медведь остался. Потом ради композиционной цельности барон в мемуарах поместил кёнигсбергский свой подвиг в условия российской зимы. В России и зима покрепче прусской, и медведи по улицам завсегда... Да! Но местные жители не забыли подвига Мюнхгаузена и увековечили медведя с оцепеневшими лапами на фасаде здания страхового общества «Норд». Дескать, защитим от любого медведя...

Глаза барышни распахнулись ещё шире, и в них утонули и барон, ускакавший за горизонт исторической достоверности, и медведь с оцепеневшими лапами, и сам шутник с откинутой в сторону рукою. Лишь чуткое ухо, сильно прислушавшись, могло расслышать в этой пучине чей-то голос, обычно заглушаемый злобой дня. Это были исторические просторы города, не осиянные посещением никакой знаменитости. Они зывали:

– О, древние и великие люди, придите к нам! Оставьте след! И вы, их наследники и потомки, населите нас призраками прошлого! Засейте наши скудные нивы гипотезами и рабочими версиями любознательного ума! И мы, места пустопамятные, с благодарностью ответим вам и взаимной любовью, и усиленной циркуляцией жизненных соков!

Так повелось: когда земля зовёт, на зов всегда приходят сыновья её, расслышавшие тихий голос. По прошествии некоторого времени история с бароном, с ходу придуманная

ради красивых глаз¹⁴, вдруг приобрела сторонников. Штудии подтвердили, что реальный барон реально ехал на перекладных через Кёнигсберг в Санкт-Петербург и, будучи человеком великим и непоседливым, не мог не оставить следов на этой земле. После сего открытия они стали проступать на теле города, как водяные знаки на древней карте после произнесения волшебного расклятия. Следов баронова пребывания оказалось так много, что узревшим пришлось организовать в неформальный клуб «Внучата Мюнхгаузена» и всерьёз исследовать границы исторической достоверности.

Был написан устав клуба. Он начинался словами: «Исходя из догмата пребывания барона на Калининградской земле...». Были проведены полевые изыскания. Они дали поразительные результаты.

Бароновы следы оказались рассеяны чуть ли не повсюду. Шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться либо на мудрое изречение барона, либо на памятное место, с ним связанное! Чего стоит, например, беседа Иеронима с юным Иммануилом. Поздним вечером, когда барон спешил через Ломзе в трактир, он на полном скаку въехал на Дровяной мост и столкнулся с неким мальчишкой, который глазел на вечернее небо. Еле избежав столкновения, барон свесился с лошади (парик и треуголку придержал рукою) и заметил мальчишке:

– Мой юный друг! Чем без толку пялиться на небо, вы бы лучше подумали о моральном долге! Что сказала бы ваша мать, если б её сына сбила лошадь?

Мальчик ответил, что подумает. А когда вырос, даже написал трактат про «звёздное небо и нравственный закон внутри нас». Или другая история... Впрочем, не дело их пересказывать: они были изданы в виде набора открыток в русском народном стиле «лубок».

Каждое заседание клуба проходило под пристальным вниманием региональной прессы. Утомлённая джинсой и госзаказом, она с удовольствием присоединилась к озорной игре «в барона». Окончательно осмелев, клуб «Внучата Мюнхгаузена» списался с муниципалитетом германского города Боденвердер, исторической родиной исторического барона. Оттуда приехала делегация во главе с тамошним мэром и, впечатлённая популярностью барона, подписала договор с мэрией Калининграда о дружбе и нерушимом мире между двумя городами. А к 750-летию последнего муниципалитет Боденвердера подарил юбиляру ни много ни мало скульптурную композицию «Пролётный Мюнхгаузен, транзитная версия¹⁵». Её под звуки вестфальских сопелок, тюрингских дуделок и одной саксонской шарманки торжественно установили в День города в Центральном парке.

Все, почти все жители города собрались в тот солнечный день в парке. Был и боцман Рама, и Конрад Карлович, и Тоня-фаус-патрон со внуком своим. Даже бродячий Шпильман, который во время оно напел аудиоэпос про сердце дракона, – и тот проник из-за черты исторической достоверности на судьбоносное мероприятие. Длинновласый, небритый, с бандолиной через плечо, внимал он речам и мелодиям, не обращая внимания на щёлканье фотоаппаратов.

Теперь нет ни одного залётного голубя в городе Калининграде, который не отметил бы на бронзовом ядре памятника. И всё – из-за невинной шутки одного городского «прогульщика¹⁶»! Никогда не знаешь, какое семя произрастёт из твоих слов.

Особенно если во время беседы ты заглянул в бездонные глаза красивой барышни, в которых тонет без остатка любая историческая достоверность.

¹⁴ ...и опубликованная в книге 1998 года «Местное время. Прогулки по Калининграду».

¹⁵ Барон Мюнхгаузен, транзитом. Бывал здесь мимоездом, изображён мимолётом. Автор скульптуры Георг Петау.

¹⁶ На самом деле медведь в левом углу фасада здания бывшего страхового общества «Норд» изображает герб Берлина. А в правом углу того же здания выложен кирпичами «кубический» герб трёх средневековых городов Кёнигсберга. Но это, как мы понимаем, уже неважно.

Уличный люд. Одуванчик и сакура

Пора всеобщего цветенья (пришёл месяц май, поют коты и птицы!) есть наилучшее время для городских прогулок. В том числе и в бытописательных целях. Нет, гулять можно всегда, но весной мы также зацветаем, хоть и стараемся скрыть это за рутинными одеждами. Что я, букет, в самом деле? я хорош всегда... или почти всегда... – горячимся мы, не желая признавать над собою всеобщего закона. Как-то не по-зимнему горячимся... как-то по-весеннему бурлим...

На весенней прогулке нельзя жалеть себя. На каждый зов ландшафта следует срываться со страстью молодого любовника, не усвоившего стандартных преамбул и познающего их с пылом первооткрывателя.

*Майским утром
Весь город уснул
В тени одуванчиков.
Доктор Агга.*

Так что лучше всего – май. В мае цветут разные сорта деревьев, трав, кустов, девушек, котов и кошек, местных и интродуцентов, розовых, багровых, белых, нежных, гроздьями, одиночных... в местной прессе распускаются статьи про всяческие городские загадки и тайны, а на пригородных лугах цветут потаённые цветы и травы, Зобень и окстись-трава, собираемые в нужную пору знающими бабками. Они их подвешивают в пучки по-над печкою, сушат и складывают про запас. А над всем этим великолепием цветут каштаны, стойко привязанные к школьным сезонам. Бежишь в конце учебного года в школу – каштан цветёт. Бежишь в начале учебного года в школу – каштаны на голову падают! Бамс!

Их, зелёных и шипастых, мы в младших классах тёрли об асфальт до состояния плюшевых мишек. Соединяли спичками и делали бархатных человечков. Которые затем высыхали, и бархат превращался в щетину похмельных мужиков...

Искусство мимоходом

Весна весной, но одна из глав в блокноте наблюдателя, описывающего человеческое лицо города, неизменно коснётся персон сколь публичных, столь и маргинальных: уличных артистов. Их состав и репертуар постоянно меняется сообразно потребности дня и тому механизму, который заставляет людей, пусть даже чудаковатых, выбраться из уюта частной жизни на витрину улиц.

Приступая к описанию актуальной картины мимоходного искусства, хочу почтить вниманием классиков дня минувшего. Более всего из прежних «звёзд» меня интересовала судьба пресловутой Аннушки, примы сезонов 1993 – 1998 гг. Она пела на улицах, площадях, она пела даже на рынке, в химически агрессивной среде. Где она? Что она? как сложилась судьба её?

Молва ей приписывает чудесное преобразование в почтенную матрону, и всё благодаря дефолту 1998 года. Будто бы в то время она исхитрилась как-то ловко распорядиться своими деньгами (откуда? может, чужими?), благодаря чему, дескать, живёт теперь припеваючи (ой!...) где-то в Балтрайоне в своей квартире. Работает бабушкой-на-скамейке-у-подъезда, надзирая за соседскими детьми и иногда вспоминая свои вокальные опыты.

Для уличного артиста главное – держать нос по ветру.

После ухода Аннушки на заслуженный покой город сиротливо мыкается от одного уличного музыканта к другому, страстно желая, чтобы его поразили в самое очерствевшее сердце, – но тщетно! Нет уже прежней самоотдачи, перехлёстывающей через барьер очерствевших сердец... Но, по-прежнему, в лидерах тротуарного творчества музыка. Что-то не видно скульпторов; очень редки художники, не завелись пока танцоры и перманентные ораторы на всякие темы. Из сонма муз лишь несколько прижились на улицах, и первая среди них та, которая поёт и играет.

За 10 последних лет остались неизменными места их взывания к нашим кошелькам. Я нашёл простую формулу определения центра в нашем городе, как известно, центра не имеющего. Где они пасутся, там и есть центр. Они живут и работают по линии «Южный вокзал – площадь Победы – Центральный парк»; это и есть центр.

Но некоторые места главного городского меридиана по-прежнему для них закрыты. Попробовала на новой площади Победы какая-то неофитка устроить публичное выступление, так к ней споро подошли и предложили «не упорствовать. Люди ведь отдыхают, не мешайте им», из чего наконец стала понятна функция нашей главной площади. Девушка с аргументами согласилась, а подошедшие товарищи опять слились с ландшафтом, как те зверята, которых нужно отыскать в детской игре-рисунке «отыщи среди ветвей семерых зайчат».

Из уличных мастеров мне больше всего жалко гитариста. Он был самый элегантный среди собратьев по музе. Только отсутствие бабочки указывало на его понимание разницы между концертным залом и сквозняком. С блестящей техникой игры, седой, в костюме и белой сорочке, он скромно играл у культурных мест города: у Дома искусств, у КТИ-КГТУ, на тех же вокзалах... Но бросали ему в открытый футляр мало: слишком интеллигентен. Потому и про-

пал с наших глаз – или переехал в ресторан работать, или потерпел фиаско и прекратил выступления.

Сегодня его амплуа пытаются занять исполнители-суррогаты. Они с магнитофончиком сидят на берегу текущей публики и делают вид, что играют, перебирая пальцами в такт аудиозаписи. Налицо потеря аутентичности с усилением громкости звука...

*Где-нибудь так же сидишь ты,
в углу укромном нахохлясь,
и в сновиденьях, быть может,
всё глупых комариков ловишь.
К. Донелайтис, «Времена года».*

Продолжая инструментальную линию, мы обязательно наткнёмся на уличных баянистов. Шестидесятилетние, в молодое время они с помощью баяна и чуба из-под заломленного картуза покоряли сердца девушек. Все мы помним те кинофильмы, откуда взялись баян, чуб и картуз: там играли Крючков и Утёсов, там пел Бернес... Постаревшие, наши баянисты не утратили навык игры, регулярно собирая публику на дачах и во дворах пятиэтажек. И вот они решили, что искусством зарабатывать не зазорно, – и окончательно вышли в люди.

На людях холодновато и дует. Да и «целевая группа» их творчества тоже седеет, поэтому в футляре баяна лежит одна мелочишка... Играют они возле КГТУ у перехода; в подземном переходе №2, какой открылся меж двух «Мег» на ул. Озерова; ну и на вокзалах...

Как мы видим, в музыкальной сфере вокалисты в целом перевелись, уступив место инструменталистам. А вокализ упростился до речи с элементами актёрской игры. В этом жанре важны не вокально-инструментальные таланты, а чувствительность к психологическим тонкостям, точность образа и быстрая реакция на реакцию собеседника.

Особенно хорош один мастер диалога, работающий с элементами игры а-ля Ян Арлазоров. Маленький, цыганистого вида, в оранжевой строительной жилетке, он найдёт вас на отрезке «меж двух соборов». Во-первых, он заговаривает исключительно с небольшими компаниями парней в 3 – 5 человек. Во-вторых, он загадывает им загадки. В компании всегда найдётся человек, который поддастся на игру и отгадает, – и тут наш маленький да чернявенький начинает всю компанию хвалить и поощрять: ай, какие вы умные! Какие вы молодцы! вон ты – тоже знал, но не сказал, правда ведь? Тому, кто тебя хвалит, гораздо легче дать денег (даже чтоб отстал), чем когда не хвалят. Простая логика. Но как работает! Налицо усложнение подходов и повышение мастерства.

...А закончим мы краткий обзор тротуарных талантов непременно персонажем курортно-гулятельных городов и улиц. Он не оглашает окрестности вокабуляром, он не липнет к вам пивайкой, он тих и талантлив. Это Рисователь Портретов.

Местный представитель Монмартра, почётный посол графства Мольберта в сухую погоду дислоцируется у входа в зоопарк. Он сидит на складном рыболовецком стульчике, а к заборчику прислонены образцы его творений. Не лучшие образцы, сразу признаемся, потому что лучшие увезены в частные коллекции.

На портретах чаще всего изображены девушки.

Заказчиков у него немного: провинция-с. Понимая себя как часть живого ландшафта города, он часами сидит в качестве городской скульптуры, пока Муза и Случай не соединятся в сладостном танце у его мольберта.

Я два раза видел его в момент работы. Он рисовал девушку, а та отчаянно стеснялась. Но в остальное – многочисленное – равнодушное – нерабочее – время он смотрит на текущую мимо публику отрешённым взглядом, и вместе с ним на людскую реку смотрит вереница стесняющихся девичьих образов. которым тоже очень хотелось хоть раз в жизни побывать в Париже и нарисоваться на Монмартре...

...Он смотрит на текущую реку, на вереницу лиц, которые через одно просятся в галерею сатирических образов, и в глазах его отражается Монмартр. Разноцветная нарядная публика, Эйфель на горизонте и красивая девушка, которая когда-нибудь сядет к нему на складной стульчик и скажет обворожительно:

– Нарисуйте меня. С ног до головы. Нью.

Толик-гусяр

...Время УЕ ушло и забрало с собою стрит-арт в лице королевы улиц Аннушки. Пришли новые исполнители, молодые, самобытные. Одного из них зовут Толик-Гусляр, или Анатолий Щаспою. Он густобород, тощ, длинновлас, говорит медленно и с растяжкой, пытаясь поставить слова на свои места в идеальном порядке, что является общепринятым свойством поэтов. Однажды он спросил у философствующего знакомого из Москвы:

– Егор, как ты думаешь?.. – и замолк так надолго, что тот расхохотался:

– Воистину, философский вопрос на родине Канта встретишь даже на улице...

Из-за своей медлительности, которую недруги называют заторможенностью, Толик однажды попал в пикантную ситуацию.

Дело было так. Устроился он работать сторожем, и не куда-нибудь, а на Станцию Переливания Крови, что на улице Кутузова. Работа непыльная, идеал для служащих XIX века, которые подобные рабочие места называли отглагольным существительным «присутствие». Сидишь ночью в старом немецком особняке и смотришь, чтобы никто не покусился на бочки с кровью, стоящие в подвале.

– Банки, – поправлял он нас, когда мы радовались его трудоустройству. – и не в подвале, а на 1 этаже. Хотя не знаю, я в подвал не заглядывал...

– Вот-вот, а с первого в подвал тянутся шланги, соединяющие банки с бочками. – Здесь следовал озорной взгляд на Толика и на внимающую публику. – Но есть одно опасение, Толик. Мы знаем, тебя это не касается, ты не такой, но мы именно поэтому и расскажем...

– ...Что значит – не такой? – с нервностью, после изрядной паузы говорит Толик.

– Ну как, ясно ведь, не «какой»! ну кто из нормальных людей будет зариться на бочки с кровью?

– Никто! – говорит Толик, и в голосе его проскакивает зародыш сомнения.

– Правильно! Никто! Никому они и не нужны. Кроме вампиров.

Толик вздрагивает.

– Нет, мы ничего не хотим сказать про тебя, Толик, мы знаем тебя давно, но...

– ...?

– Всем известно, что вампиры, если долго не попьют крови, немного цепенеют. Речь у них становится замедленной, движения – заторможенными... тебе никогда не хотелось хлебнуть кровушки, кстати?..

Невинная дружеская шутка кончилась для Толика крахом карьеры. Он настолько застремался, что даже не пошёл на первое дежурство.

Для такого бородатого и волосатого человека («мущина лет 30 и без зубов») в джинсах, кедах и с длинными волосами цвета забытого на скамье мишки он был удивительно легконог. Прямо как Гермес в крылатых кедах!

В молодости он занимался лёгкой атлетикой, потом молодость куда-то делась, но остался поразительный дар легкокрыло убегать от любой агрессии. Безо всякого напряжения он превращался в бег, поди-ка, догони! Бег никуда не делся и поныне, оттеняя таланты поэтически-песенные.

Последние родились по неосторожности. Как-то Конрад Карлович научил Толика играть в буриме, показав тем самым дорогу в Сады Поэзии. Толик дорогу запомнил, прошёл её разок-

другой без провожатого, а потом принялся сочинять стихи. Про любовь. Ну, стихи и стихи, кто из нас не сочинял их во влюблённом возрасте? – но Толик пронёс свои дарования далеко за границы молодости. Он испробовал вкус славы, и вкус этот, сладкий, как глоток свежей крошечки! свежего пива в жаркую пору, толкнул его на стезю уличного трубадура.

В сегодняшней версии эта благородная пиитическая профессия за неимением феодала и усыханием института балконных девиц осела в питательной среде уличных кафе-«грибков». Толик практиковал только в центральной части городской пивной грибницы, от Парка до Вокзала. Выглядело это следующим образом. Заприметив группу попивающих товарищей, на втором бокале пива он подсаживался с гитарой и с тихими словами:

– Ребята, хотите, я вам спою?

После второго бокала ребята обычно не против. Толик доставал из-за спины гитару тем жестом, каким самурай достаёт свой меч, подстраивал её – трень-брень – и с первых аккордов обнаруживал вдруг такой мощный и насыщенный внутреннюю силою голос, что ребят мгновенно пробирало до косточек. Меня вот, например, пробрало, и до сих пор пробирает! Такая мощь не сочеталась с питием пива под грибами: ребята отставляли бокалы и замирали. Становилось им вдруг очевидно, что жизнь их пуста и зряшна.

Это внезапное осознание подтверждала другая песня менестреля, не оставляющая уже никаких сомнений в диагнозе. Песня зывала к пробуждению ото сна обыденности, и ребята, кто как мог, подталкиваемые силою Поэзии, таращили глаза и пытались проснуться к великим делам... и вдруг, после катарсиса, Толик откладывал гитару и, сияя щербатой улыбкой, говорил будничным голосом:

– Ребят, пивом не угостите?..

Так обнаруживалась пропасть между талантом и способом его применения. ...Летом он найдёт вас в Светлогорске; угостит свежими стихами у королевы Луизы; в кедах, с бородой и с гитарой, обходит он свою вотчину, собирая горький хмель уличного трубадура. Но вот лето прошло, Толик куда-то делся, – а куда делся-то?

– В Англию поехал, – говорят всезнающие собутельники. – Альбом поехал записывать.

Вело-мото-пехо

Начав с уличного искусства, нелишне обратить свой взор на его потребителей. Речь о нас, родимых, снующих по городским улицам, и о тех из нас, которые даже в транзитной форме жизни находят место для мастерства.

Раньше было проще: были пешеходы, не любившие автомобилистов, были автомобилисты, не любившие пешеходов. Этим транспортная драматургия города ограничивалась. Но ни с того ни с сего велосипедный микроб получил питательную почву и стал интенсивно закрепляться на стратегических рубежах.

Сперва появились специализированные магазины велотехники. Затем, в такт продажам акробатических велосипедов, подросли пацаны, которые на велоконых-бимиксерах стали исследовать город. Затем на улицах появился шведский генконсул Манне, едущий на бывалом шведском веловетеране. В ночь на Ивана Купалу он в костюме средневекового шведа, в венке из кленовых листьев, в зелёном мундире с золотыми пуговицами неторопливо едет по улицам Калининграда, улыбаясь налево и направо фирменной улыбкой. Сказочный Кленовый Король, променявший карету на велосипед.

Явным признаком наступающего велобудущего можно считать появление на наших улицах одного человека, который концептуально презирал автомобиль и путешествовал всегда либо на велосипеде, либо на поезде. Ну, в крайнем случае, на самолёте. Первый раз я увидел его на улице Тельмана, там, где две трамвайные колеи сходятся в одну. Чудный архаизм немецкой трамвайной ветки 100-летней давности... Так вот, первый раз я увидел его поздним маем,

вечером, напротив школы Гофмана. Тельмановские каштаны, уже почти отцветшие, светились лапчатыми кронами. Выйдя на простор бывшей площади герцога Альбрехта, я остановился: по противоположной стороне площади мчался невероятный велосипедист. Из разряда «такого не может быть, потому что не может быть никогда». Красивый молодой мужчина «в полном расцвете сил» – ездят ли такие на велосипедах?!

Нет, нет и нет! – молодой мужчина в Очень Хорошем Костюме а-ля Джеймс Бонд – с развевающимися фалдами пиджака, в тёмных очках (в сумерках!) – на Большой Скорости стремительно мчался по тротуару. Он за три секунды промелькнул остаток площади и скрылся из виду, оставив меня в столбняке. Сильнее всего меня поразила не изысканность костюма, более свойственная премьере в Большом театре, а именно стремительная грациозность, с какой он мчался. Так в книгах Фенимора Купера индейцы ездят на лошадях. Не скачут, а «слитно мчатся».

Постояв несколько минут в изумлении, я побрёл дальше. «Кто это был? – задавал я себе вопросы, – и почему так одет? куда он спешил в столь невероятном сочетании себя, костюма и транспортного средства?» Никаких ответов тогда я не нашёл.

Лишь позднее, путём опроса веломанов и сопоставления случайных признаков я прояснил имя чудного наездника. То был Су Хин, родом из Питера, но живущий в Роттердаме. Фигура легендарная и потому расплывчатая, как рисунок акварелью. Самым известным подвигом его на велопоприще было жело-вело-путешествие «Берлин – Калининград – Вильнюс – С. Петербург». Сначала ему не продали билет на колёсного друга в Берлине. Тогда он, размахивая членской книжечкой Берлинского велоклуба, дошёл до начальника Берлинской железной дороги, у которого и подписал разрешение на провоз в прицепном вагоне «Берлин – Калининград» своего велосипеда со снятым колесом.

Потом ему чинили препятствия калининградские тротуары. Он выпускал подкрылки и переходил на старинную технику «езды в одно касание». Калининградские пацаны-бимиксеры, суровые умельцы акробатической езды, были приятно потрясены, увидев его в деле.

Когда Су Хин пил со мной кофе в «Висячих садах Семирамиды», бывший моряк, пивший семирамидное пиво, с неодобрением смотрел на его очки-велосипеды, на английский клубный пиджак и на бакенбарды лорда. Заценив прикид, моряк допил пиво, грохнул кружкой об стол и в качестве начала дискуссии изрёк:

– Вот такие хлыщи и развалили Россию!

– Что может быть красивее хлыща на велосипеде? – возразил я.

– На велосипеде? – не поверил моряк. – Не может быть!

Велосипедисты не способны развалить Россию, не те это люди. Я начал вспоминать своих велознакомых: могут ли они развалить страну? Вот Юра Павлов, велосипедист с фотоаппаратом, – он точно не может. Или Палыч с кофеваркой и в архивных нарукавниках. Или возьмём Валеру-меломана, или Сашу-с-глухим-голосом – разве все они разрушители? Нет, нет и нет. В общем и целом сплошь созидательные люди, веломены и цикломаны. И то, что некоторые из них хлыщи, лишь усиливает их обаяние.

Познав радость автономного двухколёсного существования, вслед за великами появились скутермены, что в переводе с коптского означает «оседлавшие пылесос». Их нашествие сдерживает один очевидный факт: городское покрытие. Оно для двухколёсной езды не приспособлено. Но даже это не останавливает отчаянное племя. Они крутят педали, рулят своими «табуретками» и проникают постепенно во все слои общества. Не ровен час, займут-таки руководящие посты по вертикалям Ближнего Мира, и тогда их замы и помощники также переседают на велики и будут с мигалками разъезжать по городу, крякая специальными начальственными звоночками.

Но, пока этого не произошло, а лишь грезится, вспомним про колёсных горожан. Про их квинтэссенцию.

Такси-блюз, или «Алё, букет!»

Приходится признать, что таксисты (и журналисты) – самые осведомлённые в нашем городе люди. Каждый на свой лад. В пользу первых мне вспоминается интервью известного музыканта, автора «Мочалкин-блюза».

– А как вы можете оценивать жизнь, если вы даже в магазин за хлебом, небось, не ходите? – упрекнул его журналист. В ответ музыкант резонно отвечал, что часто гастролирует и очень много общается с таксистами, поэтому о том, что «происходит в стране», он знает не из теленовостей...

Таксисты и водители рейсовых автобусов – хозяева актуального топонимического ландшафта города. Если вы говорите товарищу с шашечками: «К трём пороссятам!» – будьте покойны, он знает, где это (в конце Невского) и что это (три малосемейные общаги, стоящие у старых немецких казарм, получившие имя от строителей и подарившие его круглосуточ-

ному магазинчику на углу¹⁷). Через таксомоторную навигацию мы узнаём, что «Вагонка» – это не завод, а дискотека и также общепринятое название целого района; что у нас в городе до сих пор есть Шпандин, но уже нет Понарта; что «кишлак» – это не самоназвание района, а нелестная кличка, даденная недругами. При этом гибкость шофёрного характера достойна всяческих похвал.

Многие известные писатели работали журналистами; многие достойные люди нашей эпохи – например, В. В. Путин – чуть было тоже не стали таксистами, и лишь Судьба вынудила их переменить перспективу.

Эту гибкость иллюстрирует один случай. Как перманентный кофеман я вечно не успеваю попить драгоценную горькую влагу с толком и с расстановкой. Дела заверчивают, и полдня бегаешь с одною лишь мыслью: надо срочно выровнять давление в системе! И вот в состоянии кофейной недостаточности я сажусь однажды в такси. Везёт меня премилый парень, таксист новой генерации. У него на панели висит табличка с дополнительными сервисами. Даже побриться могу в машине, если дома не успел: пенка, одноразовая бритва и влажная салфетка предоставляются. Я читаю табличку и с ходу ему говорю: всё у вас замечательно, только вот кофе вы не готовите. Непорядочек! Есть же аппараты, в прикуриватель втыкаются...

– А что, это идея... – говорит он серьёзно.

– Вот-вот. Скажите начальству...

– Зачем – начальству? Я сам сделаю... – говорит он.

Теперь всё жду, когда же я сяду опять в такси, и там меня напоят горячим кофеём прямо в машине.

На своих двоих

Для ученика в пешеходном искусстве самым опасным является упражнение «Пешеход всегда прав». Уже из названия видно, что сия максима есть скорее ободряющее выражение, чем практическая формула. Тем не менее не следует пренебрегать опытом пешеходных отцов. Прислушаемся к их советам, пока они ещё живы!

Упражнение придумал певец городских предместий доктор Агга, основываясь на теории тёмных инстинктов и безоружного взаимодействия с дикими животными. Причём здесь тёмные силы? Это же очевидно! Много раз я наблюдал, как деликатнейший человек, садясь за руль автомобиля, вдруг подпадал под власть дремлющих инстинктов, становился агрессивным и ругался, как первобытный пешеход. Инстинкты, замороженные воспитанием и культурой, оттаивали и завладевали речью и движениями бывшего добрейшего человека. Столь древний инстинкт оборим не менее древним способом. Он сохранился лишь в заповедных территориях вроде цирка зверей и японской борьбы сумо, где происходит борьба духа и воли с другими духом и волей прямым бесконтактным способом.

Согласно учению доктора Агга перед шагом на полосатую пешеходную зебру нужно поймать взгляд водителя и, глядя ему прямо в глаза, смело шагать на переход. Единственное неудобие такого положения в том, что идти приходится, вывернув голову в сторону. Есть риск столкновения с таким же практикантом, идущим навстречу по общей «зебре»... Как утверждает доктор Агга, приём действует безотказно, за исключением одного случая, когда у водителя то ли сила духа оказалась сильнее, потому как был он сумоист; то ли он вовсе не смотрел на дорогу... Но то, что при рассказе доктор Агга посмеивался, просто указывает, что бывают и здесь исключения.

Как бы там ни было, силу духа и волю тренировать надо в любом случае. Не помешает! Ну и просто не стоит терять бдительности.

¹⁷ Их антипод – «Три богатыря», три многоквартирных дома в начале ул. Судостроительной.

Весенний маршрут Сахей-сана

В весеннюю пору такое количество гормонов встречается в нашем теле с авитаминозом, что это напоминает трепетное свидание. Начальную его фазу, когда испытывается сама возможность встречи и до конфетно-букетного периода ещё несколько шагов.

То есть – почки лопаются, щепка на ветку прёт, и зацветают деревья. Время – весна. Ранний май, погода дрянь. Небо застёгнуто наглухо, тучи переходят в облака и обратно без малейшего проблеска. Настроение... какое тут может быть настроение?... Сахей-сан так не считает, потому что просветление может прийти с любой стороны. Собрал рюкзак, он отправляется в речную мастерскую. Хотя он давно работает на дому, сидеть дома не хочется, лучше прошвырнуться пешочком, чем киснуть на кухне, как забытый кефир на подоконнике.

Выходит из дому.

На улице цветут яблоня и алыча, груша набирает сил, боярышник на подходе. Сахей-сан поглядывает вокруг художественным глазом, двигаясь от улицы Борзова к реке. Природа, увлечённая цветеньем, как токующий глухарь, не замечает ни цепкого взгляда Сахей-сана, ни рюкзака с причиндалами, ни стоптанной походки. Каштановой аллеей идёт он к Преголе, идёт брусчаткою, идёт ямочным ремонтом, идёт несбитыми тротуарами, сено-солома, инь-ян, право-лево. Небо клубится киселём.

Но вот «Победка» позади, пахнет рекой. Сахей-сан выходит на виадучный мост со странным именем «Западный-Новый». Проходит Вагонку, хлебзавод, выходит к Преголе. Перед ним старый причал для ракет на подводных крыльях. Рядом – кнехт и прибитый к берегу плавник. Справа кирпичная стена мельзавода, белёсая от муки и голубиногуано. Через реку – элеватор, гавань, портовые краны и корабли на фоне серого неба. Не взирая на описанные обстоятельства, он усаживается на огромный железный кнехт, подстелив под себя рюкзак.

Волшебным здесь является слово «кнехт».

В тот же самый миг в небесном киселе образуется ровная прореха, откуда спускается столб летнего жаркого солнца – спускается на кнехт, седока и кусочек Преголи по соседству. Сахей-сан вынимает из-под себя рюкзак. Ему хорошо. У него с кнехтом на двоих персональное небольшое лето. В душе у кнехта стаивают льдинки, и жизнь полнится новыми запахами и смыслами.

Погревшись чуток, Сахей-сан спускается к реке. Находит на берегу чистый сухой плавник, обкатанные рекою деревья, выброшенные на берег волной от недавнего сухогруза. Соорудив из них лежак, Сахейсан снимает свитер, футболку и загорает в столбе летнего солнца, бьющего через дырку в небе персонально для него. Наверное, это дрема. Проходит несколько вечных мгновений. В бездвижности душа не прирастает, и Сахей-сан одевается и отправляет плавник под мышку.

Солнце медленно исчезает. Отверстие в небесах затягивается, как рана выздоравливающего. Настроение – весна.

Сахей-сан несёт плавник в речную мастерскую, на 10-й этаж немецкого элеватора. Идти по лестнице в темноте на ощупь с 3-го по 7-й, зато на 8-м из окна такая высь, что даже плевать не хочется. Там из плавника сделают вабк-саби.

Наступает «смена фильтров». Теперь можно идти домой. Собственно, дома ничего не изменилось, и смысла туда идти нет, но вот не стоять же на месте, когда весна в душе! Он идёт до «Победки», встречает там Серёгу и останавливается курнуть.

– Да ну, настроение паршивое, день ни к чёрту!.. – Серёга горячится, машет руками, Сахей-сан покуривает голландскую трубку и предлагает пройтись. Всё равно день ведь ни к чёрту, отчего ж не прогуляться?

За сменой ландшафта вполне может измениться и наблюдающий... Они идут по улице Энгельса, и на все восклицания Серёги: «Вон сакура! Или вон! Или вон!» – Сахей-сан посмеивается в бородку, посасывает трубочку и говорит:

– Алыча.... груша.... яблоня «золотой ранет»... – покуда в палисаднике дома №39 не замечает невзрачное деревце с резным облачком вокруг веток. Он увлекает Серёгу покурить под сенью облачка, говоря, что надо бы передохнуть, самое время.

На третьей затяжке из подъезда выходит пожилая женщина с полным мусорным ведром.

– А что, мать, не знаешь, что это за дерево такое? Больно странный цветок у него... – спрашивает у неё Сахей-сан, уважительно кланяясь. Та поджимает губы и, ни слова не говоря, пропадает за углом. Вскоре она возвращается, ставит порожнюю тару на землю и рассказывает. Муж её, царство ему небесное, в 70-е ходил в моря шкипером и привёз оттуда черенок этой вишни. Да и то сказать – вишня: ни поесть, ни варенья сварить, ягоды ма-ленькие, с привкусом, даже птицы не клюют, а осенью, когда падают на асфальт, масляно-багровое пятно стоит до самых морозов, не смывается дождями... Сахей-сан блаженно слушает рассказ, достаёт из рюкзака термос с чаем, наливает женщине чашку (та не замечает или не хочет), передаёт Серёге, потом отхлёбывает сам. Лепестки весеннего белого облака кружатся в воздухе, и Сахей-сан довольно жмурится в столбе солнца, которое второй раз за день пробило тучи специально для него.

*Долгий путь проделал я,
прежде чем цветок сакуры
упал в мою чашу.*

Альбом путешественника ближнего следования

Каждый из нас собирает свой городской альбом. Кто намеренно, долго и скрупулёзно. Кто время от времени. А кто просто мысленно делает заметочку на интересном факте: sic! – и идёт себе дальше. Но пометочки остаются. Со временем они складываются в подобие альбома, который мы взгромождаем на колени гостю и говорим: смотрите, Владимир Владимирович, а вот это – фото моей тёти из Воронежа. Вы узнаете это лицо?

По батюшке. В середине 90-х молодёжная газета «Новый Наблюдатель» к 1 апреля провела опрос среди своих читателей: какое отчество было у Канта? Иоганнович, Моисеевич или всё-таки Николаевич? Более 60% респондентов подали свой голос за Николаевича. То-то местные возликовали! Наш человек Иммануил, земля!

Сирена (русалка, ундина). Их ставили на главных церквах портовых городов по всей Балтике. Стояла она и в Кёнигсберге на шпиле Кафедрального собора до августа 1944 года и сгорела в пожаре от фосфорных бомб, и вновь возродилась в конце 90-х вместе с возрождением собора. Про неё говорят – «дама, симметричная во всех отношениях». Но что за рог у неё, и зачем она трубит в него?

Когда корабль отходит из гавани и даёт прощальный гудок (слышимый в любом конце города) – те, кто знает, что это за звук, отрываются на мгновение от повседневных дел и мысленно желают ему семь футов под килем. В тот же самый миг оживает русалка-сирена на шпиле Кафедрального собора. Она трубит в рог корабельных размеров, смешивая свой призывный звук с прощальным гудком корабля, чтобы в дальних краях никакая другая сирена не смогла бы заманить экипаж в пленительные сети.

Затем и рог. А хвост кольцом зачем, спросите вы? А хвост – для аэродинамики.

Тоня-фаус-патрон и подземный ход. Те из нас, кто жил в городе в трофейное время, помнят не только руину замка, но и подземный ход, который шёл из его двора в сторону Преголи. Это подземелье было открыто для всех любопытных, вплоть до одного случая, который чуть не кончился трагически. Среди участников этой истории была Тоня-фаус-патрон, которая мне её и поведала.

Дело было году в 52-м. Однажды решила забраться в подземный ход отчаянная компания из 5 человек в возрасте от 9 до 12 лет. Подготовились участники капитально: взяли на каждого по офицерскому фонарику, долгоиграющий провиант (хлеб и селёдку), крюки, верёвки, сапёрные лопаты... в общем, народ собрался бывалый.

С такой вот экипировкой они дошли до замка и спустились вниз. Сначала полазили по замковым подвалам. Потом освоились с фонариками и спустились ниже, в подземный ход. Шли они, шли, шли и шли, дошли до бокового хода, полузаваленного щебнем. Достали лопаты, копнули, потолок обрушился, и не стало хода вбок. Ладно, хорошо, что все живы. Откашлялись, отплевались поднятой пылью, пошли дальше. Шли, шли и упёрлись в участок, который заметно спускался вниз, и там, в заметном низу, была вода... и ход дальше шёл под воду. Посидели у воды, порассуждали вслух, как её преодолеть и какие сокровища, видать, за нею скрыты... за сим пустились в обратный путь. И в самом конце пути их ждал сюрприз. Бетонную плиту, которая лежала у входа, кто-то хозяйственный за время их путешествия сдвинул и закрыл ею лаз. И изнутри она поддаваться детским усилиям никак не хотела. Ладно. Поели селёдки, но тут выяснилось, что воды никто с собой не взял. Сыро, холодно и страшно...

Искали их два дня. Солдаты, пожарные, милиция. Родители и старшеклассники. Пока одна из мам не догадалась ласково расспросить мелкого пацана, который обычно вертелся у нашей компании под ногами. Его компания в опасные мероприятия не брала. Под честное слово, что не будут ругать, пацан сказал:

– В замке они. Подземный ход пошли обследовать, – сказал и захрустел огромным яблоком с немецкой яблони, которым его добрая тётя уостила.

Исследователей вызволили через час и даже пороть не стали. А ход в подземелье завалили битым кирпичом. Какие тут к ляду клады, когда дети пропадают!

– После той истории мы поуменьли, – говорила мне Тоня-фаус-патрон, – и в походы обязательно брали воду. Особенно когда идёшь обследовать большое сооружение. Например, форт «Фридрих Вильгельм»...

...Пока Антонина рассказывала историю детского исследования фортов, я почему-то всё думал про яблоко, которое ел карапуз. Какой это был сорт? «Осенние полосатые»? «Дратунгундтрендлинг»? «Белый налив»? «Золотой ранет»? «Гамбриотис балтийский»?.. – и ощущал на губах вкус яблок, какие были в моём детстве. Потому что в наших садах все яблони, кроме антоновки, были привиты от немецких яблонь.

Брусчатка. Калининградские старожилы говорят, что после второй мировой не только кирпич, но и кёнигсбергскую брусчатку вывозили в Питер и в Москву. И что в столице пленные немцы выложили ею Красную площадь. А до того главная площадь страны была выложена неформованным булыжником. Ну конечно, кусочек Кёнигсберга на самой Красной площади! Правда, булыжник в Кёнигсберге был тоже не свой, а из Швеции.

Политическая фреска. Влияние политических фигур на городской ландшафт ещё ждёт своего пристального исследователя. И вот, прежде чем политологи наострят свои перья, попробуем прикоснуться к этому жанру, припоминая царствование самого, пожалуй, экстравагантного губернатора Янтарного края. Уж чего-чего, а скучать своим «подданным» он не давал.

Губернатор Леонид Петрович Горбенко имел в своём штабе весьма изобретательных политтехнологов. Во-первых, вдоль всех дорог области были отысканы большие валуны и выкрашены в цвета российского флага, отчего те смотрелись весёленьким патриотическим пятном на фоне раскисшего балтийского пейзажа. Их даже прозвали «яйца Петровича». Во-вторых, на глухом заборе стадиона «Балтика», на пересечении ДД и Гостиной, была в одну ночь нарисована сатирическая фреска под заголовком «Медведь пашет, собаки лают», надолго пережившая взлёт политической звезды Леонида Горбенко. Фреска до сих пор украшает забор, вызывая в памяти подробности политического противостояния конца 90-х. Исполненная в лубочном стиле, она изображает трудолюбивого медведя, пахущего чернозёмом безо всякой лошади, своею тягловой силой. А возле его сохи четыре маленькие собачонки не столько лают, сколько валяются от смеха, держась за животики. Уже одно это художественное несообразие заставляет пристальней взглянуть на рисунок. Под таким взглядом обнаруживается физиогномическое сходство между медведем и Леонидом Петровичем. А кто помнит политические контексты, с ходу определит, что под собачками подразумевались Устюгов, Гинзбург и другие персонажи оппозиции тогдашней облдумы.

Определив действующих лиц, мысль летит дальше и натывается на сюжетную новацию: в русских сказках медведь не пашет! Было несколько сюжетов, в которых медведь с крестьянином занимались сельским хозяйством, но в них косолапый неизменно оказывался в дураках. Хитрый крестьянин то подсовывал ему некондиционные вершки (от свёклы), то корешки (от пшеницы) ... Ну и тот факт, что собачки не просто лают, а откровенно смеются над туповатым медведем, не прибавляет тому зрительских симпатий. В общем, хотели оппозиции в бровь, а получили себе в глаз.

...На этом, впрочем, активное оформление городских просторов фресками прекратилось. На следующих выборах избрали нового губернатора, и Леонид Петрович стал политическим пенсионером. А фреска до сих пор радует зрителей своей выразительностью и подзабытыми контекстами.

Сырный клец. В начале 20-х годов XX века русский писатель В. И. Немирович-Данченко побывал на Восточной ярмарке в Кёнигсберге. Не скупясь на сарказм, так он описал свои

впечатления: *«По пути к главному павильону у плохенького балагана сидели человек пятьдесят немцев, глядя в кружки пива сосредоточенно и упорно – точно там на дне они рассчитывали найти какой-нибудь волшебный талер. В небольшом павильоне, похожем на клетку для попугаев, играл военный оркестр. Капельмейстер, апopleксический мальчик, дирижировал своей палочкой, точно он грозился ею немцам со словами: «Вот я вас!» Но немцы не пугались и слушались... Какие-то бойкие герры продавали во всех концах выставки маленькие луны и микроскопы, уверяя вас, что сырный клец совсем похож на свинью, и предлагая удостовериться в этом. Вы удоставлялись, и те же герры заворачивали вам тотчас же микроскоп и энергично заявляли желание получить с вас три марки.*

– За что три марки?

– За свинью, которую вы только что видели... три марки, и микроскоп будет ваш! Вы только подумайте.

– Да я вовсе этого не желаю...

– Зато вы, когда захотите, можете видеть свинью во всяком куске сыру... в каждом куске сыру, вот так!

Говорят, что на этой выставке были и «музыкальные утюги». Я их не видел. Но это совсем по-немецки – утюг гладит, и в это время находящийся внутри механизм играет «Стражу на Рейне» и «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин...». Поэтические немки раскупали все эти утюги сейчас же и теперь, глядя свои юбки, наслаждаются двумя наиболее популярными в Германии мотивами... в конце концов вся эта выставка показалась мне мудрым приёмом кёнигсбергских купцов сбывать залежавшиеся товары из своих магазинов, – нечто вроде торговли остатками в Москве на Новый год или на Пасху».

Две китайские попытки. Сначала китайцы сунулись со своим товаром на местный Центральный рынок. Все мы знаем, что Центральный рынок – это огромный террариум, в котором свои группировки и теневые интересы, бурлящие со времён Советского Союза. Так вот, в середине 90-х приехали в область человек 50 китайцев и стали торговать СВОИМ товаром на НАШЕМ рынке!

То был единственный случай, когда на рынке были отложены распри, и заклятые враги объединились в противостоянии китайцам. Все понимали: если те придут, то всем придётся очень крупно подвинуться. Уж лучше мы тут сами, худо-бедно... Китайцам вломили без стеснения, но они не дрогнули и стали ходить по офисам и за копейки предлагать товарные чудеса: ножи со встроенными будильниками, будильники со встроенными миксерами и миксеры с определением веса. Эти чудеса они на ломаном русском пытались всучить офисным людям, но русский был настолько ломаный, что их учитель языка явно был на стороне наших рыночных торговцев. Вот лично я не купил паяльник со встроенным вентилятором только потому, что не понял, сколько же они за него хотят?

Второй случай экспансии мы наблюдали чуть раньше, в Правдивой истории про Дом Советов. И сейчас сидим и ждём: с какой стороны будет предпринята третья попытка?

Шиллер, драматург и памятник. Вопреки распространённому заблуждению, в Кёнигсберге не был, женат на кёнигсбергке тоже не был, не ехал мимо, не упоминал, не прославлял – и проч., и проч. Просто великий немецкий драматург, которого немцы статуейно возводят везде, где уместен великий драматург. Примерно как мы возводим Пушкина.

Во время боёв за Кёнигсберг Шиллер был поражён зенитным снарядом в горло и плечо (причём с немецкой стороны – наши-то зенитками не стреляли). После взятия города какой-то советский офицер написал на его постаменте: «Пролетарский поэт – не трогать!», и Шиллера не тронули, в металлолом не сдали, как сдавали всех поражённых или политических. Я долго не мог понять, почему он сохранился – ну мало ли какие надписи малюют на постаменте! А потом вспомнил такие же рукописные надписи военных и послевоенных лет: «Разминировано, мин нет. Сержант Хаймурзин», и понял, что в те времена сила рукописного уличного

слова была ох как велика! Не будешь уважать – подорвёшься. Вот и спасли драматурга фронтовые граффити от переплавки...

А из-за «ранения» драматурга среди переселенцев долго ходила поговорка, что «в нашем городе все пьют, только один Шиллер не пьёт. Да и то потому, что горло дырявое». Шиллерово горло запаяли, залечили, и стоит он привычно на страже фонтана и театра, оберегая первое и присматривая за вторым. Жаль только, что когда собирались переделывать фонтан, у него не спросили: почему на его постаменте такой же формы овал, как и у чаши фонтана?

Преголя-Прегель. У языческих пруссов река называлась Прегора. Немецкие переселенцы переправили её имя на свой лад – Прегель. Советские русские, придя в эти края всерьёз и надолго, сменили пол Прегеля с мужского на женский, имя твёрдое на мягко-раздольное. Что за «Прегель» – резкое и солдафонское название? Преголя-матушка, вот так! К слову сказать, это один из редких случаев, когда не административная воля, а сам строй русского языка подправил «громоздкое» имя на более сообразное для реки. А уж потом, постфактум, административная воля зарегистрировала произошедшую замену. «Пре-гель, Пре-гель, шум прибора»...

«Течёт река – Пре-гель, конца и кра-я-нет!...», «Пре-го-ля, милая Преголя, вот ты какая, такая-сякая»... Хм, что-то сегодня ни в какую не поётся.

Хозяин моста. Хотим мы этого или нет, но есть существа, которые хозяйничают в городе по своим законам. Например, Сизокрылый.

Его видели среди толпы в амфитеатре летней сцены на джазовом фестивале; он сидел на форштевне буксира («в белой шапке с красным носом»), который заводит суда с рейда в морской Калининградский канал, – сидел к вящему возмущению местных бакланов. Его в мокрое балтийское утро можно встретить в Центральном парке на улётном бароне, в этом известном месте медитаций и переходов меж параллельными мирами...

Но чаще всего он прогуливается по Поцелуеву мосту на улице Брамса. Сизокрылый неспешно гуляет по тротуару (пешком!), и даже сверх того – переходит проезжую часть дороги (пешком!), ловко лавируя среди потока машин в вечернее пробочное время. Деловитый его вид и сноровка не оставляют сомнения в том, кто здесь истинный хозяин. Настоящий хозяин, как мы все знаем, инспекцию владений совершает всегда пешком...

Все его знают и уважают. Но иногда случаются непредвиденные обстоятельства, заставляющие отбросить деловитость надзорного вида. Эти обстоятельства зовутся «маленький человеческий ребёнок, идущий с маменькой по мосту». Завидев Сизокрылого, МЧР останавливается, вырывается из маминой руки и, млея от восторга, в трепете начинает его ЛОВИТЬ. И тут – да, приходится Сизокрылому сбрасывать тяжкий груз достоинств, переходить на бег, а в особо прытких случаях – на лёт. Но после поимки супротивника мамой и увода есть обед шухер заканчивается. Территория вновь принадлежит исключительно влюблённым и их сизокрылому куратору.

Наша Комната. Помимо исторических реалий, Кёнигсберг как подсознание Калининграда присутствует в городском сообществе в виде архетипов и мифов. Обойти их никак не представляется возможным. Самый знаменитый – о Янтарной комнате. Много раз Большое Перо писало про эту историю, и ещё многожды напишет, как во время второй мировой войны в Кёнигсберг гитлеровцами была привезена выкраденная из Царского Села Янтарная комната. Некоторое время Янтарная комната хранилась в Королевском замке, а потом исчезла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.